

ВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ПОСАШКОВА

12+

Светлана Дмитриевна Кочергина

Вековая история. Из жизни Ивана Посашкова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63737712

SelfPub; 2021

Аннотация

Чем отличается история, описанная в учебниках, от той, что рассказывает очевидец? Правдой, пропущенной через чувства, опыт и собственное мироощущение. В каждом эпизоде книги раскрывается характер Ивана Посашкова – честный, бесстрашный, юморной! Судьба его тесно сплелась с событиями, происходившими в стране в последние сто лет. То, что знал и видел этот человек, больше не расскажет никто! Вековая история жизни Ивана Посашкова – яркий пример формирования сильной личности. Книга не имеет возрастных ограничений, она будет интересна как взрослым, так и детям.

Содержание

Вступительное слово	6
Начало	9
Отъезд в Каменку	13
Пряники	16
Балалайка	18
Вот он – я!	21
Выстрел	23
Техникум	25
Четвёрка	27
Пехотное училище	29
На фронт!	31
Ранение	32
Плацдарм	36
Разведка боем	41
Кукуруза	44
Головная походная застава	47
Гусь	51
Пасека	55
Болгария	56
Война закончена	59
Графин с водой	63
Членовредительство	65
Ах, Одесса!	67

Румынский конь	70
Учебная рота	73
Шинели	75
Военная инспекция	79
Казус	85
Германия. Карта	88
Аккордеон	93
Военная Академия	96
Дипломная работа	100
Казань. Доклад	106
Командирский ящик	113
Столбы	118
Газовая колонка	122
Восток – дело тонкое	127
Нейлоновая рубашка	129
«ГАЗ-63»	131
Сок	132
Кальсоны	133
Старое место	134
Начальник штаба дивизии	136
Самара	139
Телефон	141
Председатель	147

Светлана Кочергина
Вековая история. Из
жизни Ивана Посашкова

Вступительное слово

В моей жизни журналиста и режиссёра было множество интересных встреч: это и звёзды эстрады, деятели науки и культуры, сотрудники ФСБ всех рангов, учёные, директора крупных и не очень предприятий, медики и политики, представители различных религий... Букет огромный и яркий. Обо всех я делала либо сюжеты, либо передачи, либо фильмы. Однако желания написать книгу не возникало. Но вот, благодаря женитьбе сына, в мою жизнь вошёл удивительный человек – дедушка невестки – Иван Фёдорович Посашков. Первая встреча, когда мы готовили к свадьбе ролик-поздравление от старших, оставила очень сильное впечатление. Я увидела **НАСТОЯЩЕГО ПОЛКОВНИКА**, ветерана Великой Отечественной войны 1924 года рождения. Этот высокий, статный, в военном кителе, увешанном орденами и медалями, офицер поразил своей мудростью, чёткостью мышления, энциклопедическими и литературными знаниями и великолепным русским языком, каковой сейчас среди народонаселения встречается крайне редко.

Мы, конечно, подружились. Как и свойственно пожилым людям, Иван Фёдорович тяготел к воспоминаниям, и они были настолько яркие и для меня необычные, что решила их записывать. Каждая наша встреча включала несколько законченных эпизодов, каждый из которых аккуратно заво-
ра-

чивался в рассказ. Я записывала его на диктофон, на видео, строчила в блокноте. Набралось шесть часов плотной записи, и стало понятно: всё – пора! Пора эту память одного человека открыть многим, ведь о том, как он через призму своей жизни, своего видения, своих приключений проживал историю нашей страны, больше не расскажет никто! Сегодня Ивану Фёдоровичу Посашкову – 95 лет. Последние три года мы вместе работали над этой книгой, уточняя факты и события. Начиная от раскулачивания, жизни сироты, мы прошли вместе Великую Отечественную войну до Победы, отслужили в Одессе, Германии, закончили Военную академию имени Фрунзе, готовили солдат в Казани, работали в Сирии в роли военного советника, принимали должность начальника штаба дивизии в Казани и Самаре, даже школьников обучали автоделу и работали на телефонной станции и председателем садового общества. В каждом эпизоде раскрывался характер Ивана Фёдоровича – честный, бесстрашный, юморной, трудолюбивый и организованный – об этом в книге ни слова, но его поступки говорят сами за себя. Из всех медалей и орденов на парадном мундире он ценит только два боевых ордена Красной Звезды за свои личные подвиги, и об этих эпизодах мы тоже рассказали.

Очень надеюсь, что книга будет интересна и школьникам, и студентам, интересующимся историей, и военным, и обычным читателям всех возрастов. Читая её, вы узнаете нюансы, о которых до сих пор нигде ничего не пишут: про

истинный путь к Победе наших солдат, про формирование военных частей уже после войны, про огрехи высшего эшелона власти, про тонкости службы на Востоке и в СССР, про гражданскую жизнь бывших офицеров...

Уверена, эта книга не оставит вас равнодушными и вызовет живые эмоции. Если это произойдёт, мы с Иваном Фёдоровичем Посашковым будем счастливы – наш скромный труд нашёл своего адресата.

Светлана Кочергина

Начало

Деревня Вторая Новониколаевка Кинельского района Самарской области частенько горела. Вот и тогда, в 1928 году, когда мне, маленькому Ванюше, было всего четыре годика, случился очередной пожар. В то время мои родители – мать Мария Васильевна и отец Фёдор Львович уехали в соседнюю деревню на базар.

Пламя подобралось к дому, где жили мы, Посашковы. Родители, возвращаясь домой, увидели зарево и заторопились в деревню. Быстро ехать на телеге не получалось – мать была на сносях.

Я, испугавшись огня, решил спрятаться в амбаре, что стоял через дорогу от горящего дома, где, как мне думалось, будет безопасно.

Мать не знала, что я убежал, и рвалась в отчаянии в горящую избу, пытаясь найти ребёнка. Отец насилу её удержал. Когда, уже измождённая и без сил, она пришла в амбар и упала на солому, я дал о себе знать – сидел на жёрдочке в глубине сарая. Радости её не было предела! Она прижимала к себе сыночка, не веря своему счастью! Но от пережитого у неё начались преждевременные схватки. Меня послали за бабушкой, которой на тот момент было около 40 лет. Она запрягла лошадь и привезла роженицу к себе. Мать родила близнецов и скончалась от большой кровопотери. Куда де-

лись дети, неизвестно. Возможно, бабка их как котят утопила. У неё своих было пятеро – мал мала меньше. Она вышла замуж в 12 лет и в 14 уже родила первенца.

Остались мы вдвоём с отцом. Дом вдовец отстроил заново добротный. Мужик он был работающий, сметливый. Имелись у нас в хозяйстве лошадь, две коровы и маслобойка. Однако братья отца, которых на деревне считали пропойцами, задумали из зависти прибрать к рукам добротную избу и хозяйство Фёдора. В 1931 году отца по их наводке раскулачили и сослали в Караганду.

Остался я совсем один. Бабка Анна Осиповна не брала внука к себе – лишний рот ей был не нужен: у самой «пятеро по лавкам». Её младший сын был старше меня всего на два года.

И порешила она избавиться от внука. Через полтора месяца после того как отца сослали, Анна Осиповна привезла меня, шестилетнего, на Куйбышевский железнодорожный вокзал. Посадила и сказала: «Сиди, пока не придёт милиционер и не заберёт тебя! Назад не возвращайся! Смотри, я тебя всё равно не пущу». Почему такой разговор состоялся? До этого она уже отправляла меня на вокзал со своим сыном. Но на следующей электричке вслед за ним я вернулся. Поэтому она приняла решение – отвезти самой.

Недолго сидел я на вокзале. Вскоре подошёл милиционер. Взял за руку и, ничего не спрашивая, отвёл в вагон-приёмник.

Накормили меня там тёплой вкусной кашей. Нас быстро набралось около 15–20 человек, как будто всех нарочно кто-то поставлял в вагон-приёмник. Милиционер построил нас парами, и мы, взявшись за руки, пошли за ним. Шли мы до детского дома № 1 на улице Оборонной. На дворе стоял 1931-й год, а мне было шесть лет с небольшим.

В детдоме вышла к нам женщина, не знаю, кто она была, – сняли с нас одежду, сожгли, одели в детдомовское и развели по палатам. В детдоме, рассчитанном на 40 человек, нас собралось за двести – теснота невозможная!

Кто-то из чиновников принял решение – развезти детей из детского дома № 1 в Куйбышеве по другим областям. Посадили нас в поезд и повезли в Пензу.

Сорок детдомовцев распределили по районам, и я попал в число тех десяти, которых направили в Каменский район. Привезли нас в клуб. Там ребят разобрали жители села Каменка. А я и ещё девочка с мальчиком попали в деревню Безруковку – колхоз имени Ленина. Привели нас в правление. Мы были хиленькие, худенькие – смотреть страшно. Меня взяли старик со старухой – им уже по 70, наверное, было. Сразу стало понятно, что они не умели обращаться с детьми, – ребёнок это чувствует. Самое страшное ждало меня впереди.

Когда мы пришли, я обошёл дом: не было ни туалета, ни бани. Непривычно для меня это всё. А после дороги помыться надо! Однако хозяева подготовились: печка натоплена, на-

грета вода. В тазик с водой окунули веник. Мне велели лезть в печь – там была постлана солома. Я залез в печь, за мной задвинули тазик и сказали: «Мы заслонку закроем, а ты возьми веник и схлещи с себя грязь».

Честно признаюсь – я провоевал три года добросовестно, но нигде не испытывал такого страха, как в этой печке! Я почему-то был убеждён, что когда эти кирпичи намокнут, они упадут все! И задавят меня, и я не выберусь из этой печки! Кое-как дохлестал себя, отодвинули заслонку. Кое-как меня хозяйева домыли и одели в детдомовскую одежонку – только она и была.

На другой день хозяин взял меня за руку и привёл в правление решать вопрос с одеждой. Отправили нас в сельпо, где и подобрали кое-что, и я вернулся к старикам. Прожил я у них где-то до окончания зимы. Колол дрова, носил помои, кормил свинью – в общем, по хозяйству. Без дела не давали быть ни одной минуты. В школу я так и не пошёл. Она находилась далеко, а уличной одежды у меня не было.

Отъезд в Каменку

Когда я учился в четвёртом классе, колхоз имени Ленина обеднел до того, что нам перестали давать паёк, который обязаны были давать по решению правительства. Из детей, привезённых в Каменский район, четверо умерли от голода. А мы втроём как-то удержались, может, потому, что оказались чуть покрепче. Поздней осенью, когда уже начались заморозки и выпал снежок, моя хозяйка говорит: «Колхоз на тебя ничего не даёт, а мне кормить тебя нечем. Иди в правление и проси, чтобы вам хоть что-то дали!»

Когда мы пришли в правление, председатель колхоза нас просто выставил. Мы сидели на крылечке втроём и плакали. Мимо проходил какой-то мужчина и спросил:

– Что вы плачете?

– Мы детдомовцы, а колхоз перестал нас кормить, и хозяйка перестала кормить. Вот сидим, раздетые, разутые, босые, мёрзнем тут – никому мы не нужны.

– Что же вы, совсем неразумные?! Видите – висит телефон на стене. Сними трубку и скажи: дайте мне районо – и всё расскажи про себя и больше ничего не делай.

Я встал, подошёл к этому телефону, всё сделал, как этот мужчина сказал. Взял трубку, там загудело, ответила женщина. Я рассказал ей что и как, про наше положение. Она сказала – сидите в правлении колхоза и никуда не уходите, за

вами сейчас придет человек.

И действительно, прошло часа три, не больше, в эту бедную Безруковку за нами из Каменки приехал мужчина – высокий, стройный, подтянутый, в кожаной тужурке, подпоясанной ремнём с кобурой. Мы через дверь слышали, как он разговаривал с председателем колхоза. Мужик в кожанке так ругался, что я за всю жизнь не припомню подобной отборной матерщины.

После этого разговора вышел из двери председатель, потный, красный весь, и говорит нам: пошли за мной! Привёл нас в сельмаг, и там, какая одежонка была, на нас напялили. Рубахи, штаны, пальтишки какие-то. К этому времени подъехала повозка. На ней лежала солома и тулупы, поверх посланные. Прямо около магазина нас посадили в эти сани и по первому снегу повезли в Каменку. Мужчина с кобурой ехал верхом рядом на коне.

Когда мы приехали в Каменку, нас в семьях уже ждали. Меня поселили к молодым: муж, жена, и маленький ребёночек у них был. Мне этот хозяин сказал:

– Ну, что... Давай, будешь мне как сын. Я буду тебя кормить-поить, а ты будешь мне помогать по хозяйству. И в школу будешь ходить.

Очень приятный молодой мужчина был, толковый, знающий. Он меня научил, как ухаживать за кроликами. А я с его маленьким ребёночком играл.

Жилось мне здесь хорошо, и всё нормально было до поры

до времени.

Пряники

Где-то к концу четвёртого класса шёл я из школы. Встретили меня два пацана, старше меня, лет по 12–13. Спросили:

– Хочешь пряников досыта?

– Конечно хочу.

– Видишь вон те ворота?

– Вижу.

– Пролезешь под ворота и сбросишь крючок.

– И всё?

– И всё.

Я подлез под ворота, сбросил крючок и ушёл. Они меня через 30 минут нашли.

– На вот свой кулёк с пряниками!

Я обрадовался до смерти. На второй день иду, вижу, стоят мужики, и мальчишка у них в середине, такой как я. И они его бьют чем попало – и кулаками, и пинками. Оказывается, те пацаны уговорили другого мальчишку, чтобы он сбросил крючок. А мужики караулили. И как поймали, забили они того до смерти... С тех пор дал себе клятву – к чужому я и близко не подойду! Это был магазин – пацаны обворовали магазин. Мне повезло, что не я! Я опоздал. На месте этого мальчика мог быть я! Даже когда было очень голодно, мы залезали вверх на тополя, ловили грача, сворачивали ему башку, варили его и ели... Мясо съедобное, но горькое. А мага-

зин я стороной обходил.

Балалайка

В пятом классе я вспомнил про отца и родственников, которые его и раскулачили. Собрались братья и сёстры матери и отца и сдали его, а имущество забрали себе, поделили... Позже узнал, что пропили всё через несколько дней: лошадей, маслобойку... Всё подчистую пропили.

Я написал письмо дяде, который жил в доме раскулаченного брата – моего отца. Получив ответ, пошёл в районо. А тогда было правило: если кто из родственников откликался, воспитанника отпускали. Мне сказали: забирай своё имущество и езжай. А имущества у меня было: простынка, подушка с наволочкой да байковое одеяло и матрас. Вот и всё моё имущество... Но я его лишился, как только приехал к своему дяде.

С какой радостью, с каким восторгом я ехал в деревню, в родной дом! Приехал, а дом в свинарник превратили. Тётка была такая неряха! Такого я больше нигде в жизни не видел! Мой матрас, подушку и одеяло поросята разодрали на куски, и мне пришлось спать на голом полу...

Я понимал, что моё дело не очень... Узнав адрес, написал отцу, что живу у дяди Вани, пришли мне денег на дорогу! Отец быстро откликнулся, и я через недели полторы получил извещение на получение денег. Сообщил дяде, что отец прислал мне денег на дорогу. Дядя Ваня сказал: хорошо, я

поеду получу... Его не было три дня. Все мои деньги он пропил. Я понял, что моё дело – совсем дрянь...

Вот тут и вспомнил про мою бабушку, что отвела меня на вокзал, да поехал к ней. А бабушка тогда жила в Самаре на улице Победы, дом 94 со старшей дочерью Шурой, что работала на Буферном заводе и была хозяйкой квартиры. Но бабка, не признав меня, – я-то уже вырос, отправила меня к дочери со словами: «Мало ли вас тут болтается по свету, и каждый называет себя внуком. Если Шурка тебя признает, приведёт ко мне, то и я тебя признаю, что ты мой внук».

Это был 1936-й год. И тётка жила в первом доме, что построил Буферный завод, потом 9-й ГПЗ. На этом заводе работали все бабушкины дети – два сына и три дочери.

Я пошёл на завод, нашёл тетю Шуру. Она разрешила пожить у себя. Пока болтался, школу запустил. Посадили меня в пятый класс, но учился я отвратительно. Зато у меня была страсть к музыке, и я попросил тётку купить мне балалайку – она стоила тогда три рубля. Тётя Шура поставила условие – будешь учиться на пятёрки, куплю тебе балалайку.

Был принцип интересный в школе: кто учился хорошо – сидел на первой парте, кто плохо – на последней. Я, естественно, сидел на последней. Однако за 45 дней уже писал диктанты лучше всех в классе, задачи решал быстрее, чем девочка на первой парте. В результате четверть закончил на одни пятёрки! Вся школа приходила смотреть, что это за феномен – парень за полтора месяца из двоечника превратился

в пятёрочника! И я с радостью признаю, что до конца дней своих учился на одни пятёрки! Не знаю, что послужило большим стимулом – отличница, чистенькая такая девочка, что сидела на первой парте и так красиво писала, или балалайка... Но балалайку тётка мне купила!

После пятого класса я уже сам мог мастерить и смастерил себе пистолет. Почему? Я постоянно чувствовал своё одиночество, свою незащищённость. Со мной дрались все подряд, а заступиться за меня было некому – ни отца, ни матери. И я принял решение, что единственным моим защитником будет оружие, которое сам себе сделаю. И начал мастерить пистолеты. Сначала в патроне выпиливал отверстие для спички, набивал его порохом, которым служила сера от спичек, – получалась готовая граната. А потом я научился делать и настоящий наган.

Вот он – я!

Пока шла эта передряга в Самаре, отец снова прислал деньги. Тётка купила мне билет до Караганды, и я уехал. Интересная встреча с отцом случилась – он же меня не помнил... Времени столько прошло. Это уже был 1937-й год!

На станцию приехал и сел в уголке. Тихонько наблюдал, как отец меня ищет и узнать не может. Потом уже подошёл к нему и говорю: «Хватит, батя, ходить. Вот он – я!» Естественно, его радости не было предела!

Поехали мы с ним. А у него уже была своя семья: пятеро детей он нарожал. Самый маленький только родился, когда я приехал. Ну и пришлось мне опять нянчить детей да хозяйством заниматься...

У меня была справка о том, что я из детдома. А к детдомовским относились по-особому. По тем временам между русскими и казахами вражда шла, особенно между пацанами – дрались насмерть. Мы и казахи жили в разных посёлках, но постоянно дрались. И когда они встречали меня одного, то потешались, как могли...

Отец у меня по специальности был кузнец. И я, когда приехал, в первые же зимние каникулы пошёл к нему работать. С детства меня тянуло к металлу. Я быстренько себе смастерил и наган, и гранату – всё у меня было своё, и всё это я изготовил, работая у отца в инструментальном цехе при шахте.

И когда казахские пацаны из соседней деревни опять меня после школы встретили, я им говорю: отойдите или я взорву гранату. Они смеются: «Ха-ха-ха, какая граната!» Тогда я её поджёг и кинул! Она взорвалась на маленькие кусочки. Не знаю, попало в кого или нет, но страху на них нагнал!

Наутро я прихожу в школу. А директор был казах – крепкий, здоровый такой мужик. Подошёл ко мне – и давай трясти: «Ну, сукин сын, если бы ты не был из детдома, я бы выкинул тебя из школы в полпинка!»

И надо же такому случиться, что, когда я заканчивал школу – 7-й класс, он лично вручал мне балалайку как отличнику! И когда вручал, сказал: «Хоть ты и сукин сын, но ученик хороший, и мне жалко, что ты из школы уходишь!»

Выстрел

Отец мой был человеком хватким и, несмотря на то что его раскулачили и сослали в Караганду, сумел и там в скором времени встать на ноги. Будучи кузнецом, снабжал округ всякой хозяйственной утварью, даже детские кровати и санки ковал, за что его очень ценили. Так он и выживал в Караганде с большим семейством в 1938 году. В 14 лет я стал его подручным и как мог помогал в работе.

Не знаю почему, но мне очень хотелось сделать наган. Никаких чертежей я в глаза не видел, но тем не менее представлял, как смастерить оружие. В голове была чёткая схема. И потихоньку, пока батя не видел, я ковал и выпиливал нужные детали. Постепенно самопал собирался в добротное маленькое оружие, которое ладно помещалось в моей подростковой, но уже огрубевшей от тяжёлого труда, ладони.

Однажды отец решил, что наша семья уже может позволить себе глинобитный дом. Вместе с ним мешали навоз, сушили на палящем солнце и нарезали на блоки. Справились мы с задачей споро. И вот уже белёная известью мазанка красовалась в нашем дворе. Недалеко от дома, как и положено, поставили новый деревянный нужник. Завершая этот важный строительный объект, я решил на его двери нарисовать мишень, в центре поставив жирную точку.

Дождавшись, когда домашние уйдут по делам, мы с паца-

нами достали моё сокровище. Уважительно взвесив в каждой детской руке, самопал вернули хозяину. Решили, пользуясь отсутствием всех, его испытать. Сера мною уже была запасена, и я от души забил её в ствол. Вроде меня и стрелять-то никто не учил, но метился я, как мне казалось, по всем правилам. Вот мушка встретилась с жирным пятном на нужнике, и я нажал курок! Выстрел! Грохот! Дым!

Не успели мы с мальчишками рвануть к нужнику – посмотреть, куда же я попал, как его дверь распахнулась и оттуда вывалилась обезумевшая от страха старуха соседка! Мой «ядрёный» заряд пронёсся в пяти сантиметрах от её седой головы, прошил заднюю стену туалета и успокоился в заборе!

Дав стрекача, мы поняли, что старуха жива, так как её проклятия ещё долго эхом бежали впереди нас.

Поздно вечером я осторожно пробрался домой, пытаюсь незаметно прошмыгнуть мимо отца, но не тут-то было! Хваткой кузнеца он пригвоздил меня к месту.

– Ты вот что, сынок, прежде чем стрелять, убедись сначала, что в нужнике никого нету!

Я радостно закивал, не ожидая от отца подобной мягкости. Оказывается, весь его гнев достался старухе соседке. Так одним выстрелом я отучил её шастать по чужим туалетам раз и навсегда!

Техникум

Я понимал, что больше не смогу жить у отца. Мачеха ко мне относилась как всякая мачеха – постольку-поскольку, внимания никакого не уделяла. И жилось как будто в детдоме – без особой заботы и тепла. В моём закутке еле помещались кровать и столик, за которым делал уроки. Мачеху выводило из себя, что я учился на пятёрки, а её дети на двойки и тройки. И она никак не могла понять – почему так, в чём причина?

Осознав, что дальше оставаться в семье отца нельзя, я начал искать пути – куда же идти дальше? И тут случайно попала газета с объявлением: Алма-атинский электротехникум связи осуществляет приём учащихся, окончивших седьмой класс. И дальше было приписано, что если ученик окончил седьмой класс на пятёрки, то принимается без экзаменов, ему предоставляется общежитие и стипендия – 65 рублей! Этого вполне хватало для безбедной жизни и учёбы в техникуме.

Не спрашивая отца, сам написал заявление в техникум и к концу лета получил приглашение – прибыть в это учебное заведение, так как меня уже зачислили студентом. Мне выслали билет по почте. Получив его, я собрал свои нехитрые пожитки в сундучок (20 30 сантиметров), который сам же и смастерил, и пошёл в цех. Возвращаясь с отцом после рабо-

ты, наконец-то решился заговорить с ним.

– Пап, я уезжаю...

– Куда?

– В Алма-Ату в техникум связи.

– А чего же ты мне ничего не говорил?

– Да я знаю, что ты был бы против! Поэтому и молчал. Я уезжаю сегодня, точнее сейчас!

Не заходя домой, попрощался с отцом, обнял, поцеловал его и отправился на вокзал.

Четвёрка

В техникуме я получал стипендию, так как учился на отлично. Жил в общежитии. И всё бы хорошо, да на втором курсе на экзамене по физике получил 4.

Пришёл к завучу и сказал, что меня стипендии лишили из-за четвёрки. А тот ответил:

– Я не могу изменить приказ. Но если ты уверен, что знаешь физику на пятёрку, давай устроим пересдачу с несколькими преподавателями.

Буквально через неделю собрались учителя во главе с нашим физиком Александром Александровичем Соколовым экзаменовать меня повторно. Пришёл и завуч. Другие преподаватели задавали мне вопросы, и я на все достойно отвечал. Завуч обратился к Соколову.

– Ну что, вы довольны ответом Посашкова?

– Да, я знаю, что он отличный ученик, но не поставил пятёрку только из-за его строптивости.

– В чём же она заключалась?

– Когда он отвечал, я разговаривал с другой студенткой...

А эта студентка – старше нас всех, ей уже исполнилось 16 лет, девка красивая, и было видно, что Соколов как-то очень лично заинтересован в разговоре. Вот я закончил отвечать, а мой ответ длился минут пятнадцать: доказательство теоремы с графиками и формулами на доске. И мне понятно, что

меня не слушали. А когда учитель наконец-то повернулся и сказал: «Ну-ка, повтори!» – я ответил, что повторять не буду! Тогда Соколов взял зачётную книжку и написал: «Хорошо»...

А с одной четвёркой стипендию уже не давали! И никого не интересовало, на что я буду жить!

Я продолжал учиться и подрабатывать где попало. И как-то подхватил малярию. А лечение тогда было только одно – хиной, и давали её в неограниченном количестве. В результате я получил острую мозжечковую интоксикацию: очень серьёзно заболел. Дошёл до медсанчасти и упал. Еле откачали. Больше трёх месяцев пролежал в больнице. Понятно, что учёбу запустил – выжить бы...

Тем временем началась война.

Пехотное училище

Однажды на дверях столовой, где я подрабатывал, увидел объявление: «Граждане 1924 года рождения и старше должны явиться в военкомат по месту жительства». Собрал я вещмешок – кружку, ложку, зубную щётку, продовольствия на одни сутки. Предупредил коменданта общежития и ушёл в военкомат.

Шёл август 1942 года. Нас направили в ашхабадское пехотное училище. Таких как я «мирных» оказалось всего двое на тысячу человек, которые уже воевали на передовой. С 23 августа начались занятия. Преподавали нам офицеры, побывавшие на фронте. Однако опыта у них имелось маловато, так как они попадали в учебку, получив ранение после первого боя. А те, кто воевал в 1918-м, тоже не могли толком ничему научить, поскольку война была другая совсем! Позже стали приезжать уже более опытные преподаватели.

К концу декабря 1942 года, когда дела на фронте сильно осложнились, все курсанты были одеты в солдатскую форму и готовились к отправке в Сталинград. Одели, обули, дали обмундирование и стали готовить к погрузке в эшелоны. Однако отправка задерживалась, и солдаты (в Ашхабаде стояла жара) валенки, ушанки попросту попропивали. Через две или три недели пришёл другой приказ Сталина – отличников и командиров-сержантов оставить в училище и доучи-

вать до офицеров. Нас из 1 000 осталось 200, а большинство отправили солдатами на фронт под Сталинград. В марте оставшимся в училище присвоили звание офицеров и тоже отправили на фронт.

Но случился такой казус. Те, кто закончил училище, но не воевал, выходили со званием «младший лейтенант». Я воевал, был ранен, лечился, опять вернулся на фронт – по-прежнему в звании младшего лейтенанта. Лишь много позже выяснилось, что звание «лейтенант» мне присвоили ещё в училище как отличнику боевой и политической подготовки, но ни я об этом не знал, ни мои командиры.

На фронт!

Из училища молодых офицеров направили на Южный фронт. Встречали нас на Северном Кавказе. Когда состав подошёл к станции, немцы начали её бомбить – по наводке предателей из местного населения. Расчёт был абсолютно точный. Нас и по дороге всё время бомбили, но помогло то, что машинист, который вёл поезд из Махачкалы на передний край, оказался опытным. Немцам так и не удалось отбомбить этот эшелон.

Нас привезли на рассвете. Мы были спросонья, когда немецкие бомбардировщики вновь начали обстрел. По команде старшего все бросились вон со станции, и потерь не было никаких. Мы удалились километров на десять от станции и вырыли траншеи, а ночью опять налетели бомбардировщики нас бомбить – вот какое было предательство со стороны местных!

Когда мы первый раз побывали под бомбёжкой, то поняли, что шутки плохи, тут надо соображать, что делать и как. Недолго нас там держали. Через пару дней отправили по дивизиям. Я прибыл в 230-ю дивизию командиром стрелкового взвода. Был март 1943 года. А буквально через два дня мы перешли в наступление. И так я воевал до августа 1943-го. Тогда начались активные боевые действия, и 23 августа меня ранило.

Ранение

До ранения я даже не понимал толком, что на войне. Солдаты всё делали по моей команде – ты заряжай, ты стреляй! А мне положено командовать, и всё. Что там рвутся снаряды и мины – не моё дело. И только тогда страх напал, когда вечером 23 сентября 1943 года мина разорвалась прямо передо мной! Мне осколком перебило правую ногу, и она повисла, я упал. И понял, что тут шуток нет – всё на полном серьёзе.

А был приказ Сталина, что возле раненого, будь ты хоть командир роты, никому оставаться нельзя. Похоронных команд тогда не было вообще...

Так вот, лежу я с перебитой ногой, кровь хлещет, и ничего вокруг... Достал перевязочный пакет из вещмешка и перетянул ногу, чтобы кровь не шла. Стемнело быстро, ни санитаров, никого нет... Вдруг слышу – звякает. Когда собака идёт на поводке, так звякает. Подошла ко мне, обнюхивает. А это санитар с собакой. Положил он меня на носилки, привязал к собаке и сказал: «Держись крепче, она сейчас будет бежать как ненормальная!»

Оказывается, собаки по-разному идут на фронт и с фронта. Я потом убедился в этом на примере нашего верблюда, который нам еду возил. Когда он шёл на фронт, то орал так, что было слышно в радиусе 50 километров! Все враги знали, что везут ужин! Зато назад бежал молча и так, что просто не

знаю, как эта кухня не переворачивалась: она подпрыгивала как футбольный мяч!

Когда выстрелы автоматной очереди уже не были слышны, собака пошла спокойно и привезла меня в медсанбат. В то время никаких обезболивающих не было. Только одно лекарство – риванол – обеззараживающая жидкость. Но она не давала никакого обезболивающего эффекта!

Оказалось, у меня сквозное осколочное ранение. Когда положили меня на стол, хирург сказал: «Ори как хочешь и сколько хочешь!» Потом засунул бинт в рану и давай шуровать им туда-сюда, пока рану прочищал. Один Бог знает, как я орал! Потом доктор сестре приказал: «Налей быстро полстакана водки!» Выпил я и чуть-чуть утих. Боль была адская. Ну кое-как врач мне всё сделал, наложил шину, и отнесли меня на повозку, запряжённую лошадьми.

Рассветало... Как сейчас помню... Подсолнухи цветут, погода такая чудесная, и вдруг это всё... Садится ездовой – пожилой такой мужчина – лет шестидесяти пяти.

– Давай, сынок, держись!

– А что держись?

– А сейчас начнётся!

– А что начнётся-то? Передний край вон где!

– Тут свой передний край...

Отъехали километра полтора, смотрю вверх – самолёт с двумя фюзеляжами – немецкий разведчик. Я знал, что они за одиночными солдатами гоняются, знал, что любят озоро-

вать. Смотрю, а лицом кверху лежу, – пошёл на разворот, а потом на снижение по нашему курсу. Мне ездовой говорит: «Сейчас он будет пикировать и стрелять. Держись чем можешь, держись!»

И хлестнул лошадей, я думал – те выскочат из шкуры! Смотрю на самолёт и рожу вижу этого немца! Вижу, взялся за гашетку – сейчас стрелять начнёт. Ездовой тоже всё это видит! Он резко потянул поводья – лошади остановились!.. И вся эта очередь прошла перед нами! Только фашист пролетел чуть-чуть вперёд, мы повернули с дороги и влетели в поле кукурузы! И пока лётчик вновь уходил в пике, возник и повозку, и лошадей кукурузой забросал. Немец поглядел-поглядел, потерял и отступил от нас. Мы минут сорок постояли, пока он не улетел. Поехали дальше. Потом был эвакуопункт, оттуда довели до эвакуогоспиталя. Немецкие самолёты сопровождали так все эшелоны, кто-то им регулярно доносил о передвижении.

Повезли нас с эвакуогоспиталя до железнодорожного вокзала. Мне водитель сказал: ложись с краю возле заднего борта, где брезент открывается, и будешь видеть, что сверху делается. Я спросил:

– А почему?

– Чтобы ты видел, почему я так еду и когти рву, чтобы быстрее уехать отсюда.

Отъехали пять-шесть километров, смотрю – лёгкий бомбардировщик «юнкерс». Сделал круг, и на нас. Смотрю, этот

водитель ведёт себя точно так же, как и тот, что лошадыми правил. Сначала жмёт на газ что есть силы, когда самолёт начинает снижаться, потом тормозит резко, и всё в машине вдруг сдвигается вперёд. Раза четыре так делал. И я не знаю, от чего ребята больше пострадали: от того, что были ранены, или от внезапного торможения. Я-то видел, когда он тормозить будет, когда рванёт, вот это несколько облегчало мой путь под обстрелом «юнкерса».

Плацдарм

После ранения я вернулся в 986-й стрелковый полк 230-й Сталинской стрелковой дивизии командиром взвода пулемётной роты 2-го стрелкового батальона, который воевал, уничтожая немцев, на Никопольском плацдарме. Немцы пытались эвакуировать все войска и удержать Крым. Шёл конец января – начало февраля 1944 года. Грязища была несусветная! Лошадь не могла себя тащить! Рано утром 7 февраля привёз нам наш верблюд почту и чёрную нашу кашу – перловую.

Открыл я газетку, смотрю. Совинформбюро: «Наши войска в результате упорных боёв уничтожили Никопольскую группировку немцев и овладели населёнными пунктами: Большая Лопатиха, Малая Лопатиха и Зелёный Гай Запорожской области». Эти населённые пункты вдоль Днепра шли. А до них ещё пять километров. Плацдарм не взят, а новости, что взят, – уже есть!

Минут через тридцать появился командир дивизии. Как он нас ругал, и немцы слышали! А кто держал всю дивизию и не давал с места сдвинуться? Один немецкий пулемёт на чердаке дома! С места нельзя было подняться – косил всех!

Командир полка стоял недалеко от моего окопа: «Ты слышал, что генерал дивизии сказал? Если вы к вечеру не возьмёте этот населённый пункт, я всех лично расстреляю без

суда и следствия!» В дивизии был свой военный трибунал, задачка эта решалась очень просто.

Мне командир полка сказал: попробуй снять этого немца. А у меня было четыре пулемёта «максим» с водяным охлаждением и пять «горюнов» – с воздушным охлаждением. Но оба перегревались. Я зарядил пулемёт зажигательными пулями и дал по немцу длинную очередь.

Конечно, чтобы снять этого фрица, надо было стрелять с 300–400 метров, а я стрелял с 800! Пока пуля долетала, теряла свою убойную силу, да и немец за щитком прятался. Так он после моей очереди все 200 патронов, всю ленту – в меня! Наверное, всё-таки есть Бог – ведь в смотровое окошечко пулемёта ни одна пуля не попала! Весь защитный щиток сделался как тёрка! Хоть свёклу натирай! А в меня ни одна не попала. Командир полка распорядился: «Брось ты его, к вечеру разберёмся!» Почистил оружие и оставил. Вечером решил посмотреть, что немец делать будет... Он сверху слез, внизу окоп и всё расчищено... Двое их там было. И стреляли они трассирующими пулями непрерывно, сначала один, потом другой.

Осмотрел я всё внимательно. Нашёл сектор, где не было ни одной трассирующей пули. У меня сложилось впечатление, что там или кочка, или бугор, поглощавший эти пули. То есть, если идти по сектору до этой точки, можно и живым остаться. Я так и сделал: пулемёт на спину, роту поставил за собой. И пошли: я впереди, за мной ординарец Миша Лано-

венко. Мы прошли на расстояние от пулемёта 20–25 метров. И по дороге потеряли одного солдата. Почему? Когда я роту поднимал, сказал: не сворачивать ни влево, ни вправо ни на один метр! А вокруг лужицы были. Мы же три дня без воды – грязь везде, а воды нет... И вот солдат один не выдержал. увидел лужицу, нагнулся напиться. Погиб. Вот он один и погиб. Не дошли мы 25 метров, ставлю пулемёт, что сам тащил. Миша-ординарец как надо его окопал, сектор расчистил. И уже на фоне бруствера, где немцы осели, вижу сам пулемёт – пламя от выстрела. Установил свой «максим». Командиру первого взвода Долматову приказал:

– Давай за пулемёт! Ты стреляешь непрерывно в этом направлении немецкого пулемёта до тех пор, пока не взорвутся две гранаты! Понял меня?

– А что тут понимать!

Во время войны были гранаты аккумулятивного действия и ударного, предназначенные для борьбы с танками. Одна по времени взрывалась, другая от соприкосновения. Они по килограмму весят – хорошие гранаты! Я и мой Мишка поползли по этой грязи. Метров 10–12 проползли, слышим, как немцы разговаривают, хихикают. Махнул Мишке, встали, две гранаты кинули. Там всё взорвалось, грязью нас так и обдало. Ничего живого там, конечно, не осталось. Эти два взрыва были сигналом для атаки. Сначала пошёл полк, потом дивизия. И к утру эти населённые пункты взяли.

Самая большая награда ждала, когда рассвело: немецкий

обоз – подвод 200 – готовился к переправе на правый берег Днепра. Старшина спросил: надо разузнать, что это за обоз? Взял бинокль, смотрю... Немецкий солдат достал бутылку вина и пьёт. Выпил. Две-три минуты прошло – упал фашист. Старшине говорю:

– Фёдор, бери солдат, вещмешки – и туда.

Увидев наших бойцов, немцы бросили обоз и удирали как попало! Вернувшийся солдат принёс мешок муки и сказал:

– Надо еще десять человек – забрать мясо, муку, консервы.

Чего там только не было! Старшина за 15 минут обед сварил. Кинул в кипящий котёл мелко нарезанное мясо, муку всыпал и размешал – такое казахское блюдо получилось! За последние две недели первый раз хорошо поели! И ещё недели на две запаслись впрок.

После обеда мы пулемёты взвалили на себя, а на лошадей продукты. И сытые двинулись дальше.

P. S. В 2020 году накануне 75-летия Великой Победы на сайте «Память народа» (pamyat-naroda.ru) опубликованы данные о наградном листе, где командир 986-го стрелкового полка подполковник Галкин сообщает о вышеизложенном подвиге И. Ф. Посашкова и пишет следующее: «В наступательном бою по ликвидации плацдарма на левом берегу реки Днепр в районе села Большая Лопатиха Запорожской области 7.02.1944 года тов. Посашков, руководя штур-

мовой группой, в числе первых ворвался на окраину села Большая Лопатиха и забросал гранатами дом. Противник, оставив ручной пулемёт, в панике отступил, что способствовало успеху проводимой подразделением операции.

Тов. Посашков достоин представления к правительственной награде – ордену «Отечественной войны II степени».

Надо сказать, что за этот подвиг Иван Посашков был удостоен ордена Красной Звезды.

Разведка боем

Через три дня меня ранило гранатой, это было уже второе ранение. И после госпиталя мне полагалось на фронт возвращаться. Как? А никаких средств не имелось, чтобы попасть на фронт. Каждый должен был пешком добраться! И что солдат ел и пил, никого не интересовало. Свой полк догнал я на Днестре, недалеко от Тирасполя. Советские войска переправились через Днестр практически без боевых действий.

Почему немцы пустили нас туда? Каждую весну Днестр эту пойму заливал. А в этом году не случилось. Почему? Не знаю. Не залил и всё! Не было этого разлива. И мы, находясь внизу, остались целы и невредимы. Весь полк. Есть Бог! Я в этом не сомневаюсь ни на один грамм!

Простояли мы в обороне до августа. Тогда командир полка собрал нас и сообщил: «Ваш первый батальон 86-го полка будет участвовать в разведке боем».

Многие слышали это красивое выражение – «разведка боем». Суть его заключается в том, что посылаются рота, батальон, полк или дивизия с целью заставить противника открыть свою огневую систему. Но противник тоже не дурак: понимает, что это идёт только полк. И ведёт огонь не с основных позиций, а с запасных. Поэтому разведка боем никогда не давала нужного эффекта и не достигала своей цели! Люди гибли, а толку никакого. У нас в батальоне было 700

человек. Из этой разведки боем вернулись 12!

А вот генерал Колпакчи «славился» своим особым стилем ведения боевых действий. В чём он заключался? Если высоту не взяла рота, надо послать батальон; не взял батальон, надо послать полк; если не взял полк, надо послать дивизию! А в дивизии 10000 человек! В принципе никого не интересовало, сколько там людей погибло, и зачем они погибли! И что до самого конца войны был недостаток боеприпасов, этого никто не скрывает! При этом под угрозой расстрела запрещалось брать с убитых немцев автоматы и патроны. Почему? Неизвестно. Хотя автоматы у немцев были очень хорошие. «Калашников» под эти автоматы сделан.

Как раз перед наступлением, которое началось 23 августа 1944 года, нам было приказано произвести разведку боем. И я уцелел только по одной простой причине – меня буквально спас рядовой боец. Рядом со мной наступал солдат из моей роты. Раньше он сидел – 17 лет в тюрьме провёл. Болдырев его фамилия. До войны в стране во многом ощущался дефицит, а с тканями особенно. Болдырев был «краснушником» – это воры, что грабили товарные вагоны с тканью. Они знали, где поезд замедлится на подъёме, и забирались на вагон, срывали замки, сбрасывали тюки с материей, а потом грузили их на телегу и везли на рынок. Когда началась война, Болдырев, к тому времени отсидевший свой срок, добровольно пошёл в штрафную роту. После ранения его реабилитировали, и он попал ко мне в роту и выручал не раз.

Вернёмся к разведке боем. Нашу старую артиллерию, которая нас прикрывала и знала все огневые точки противника, убрали. И поставили новую, с другой дивизии привели. Цели не были пристрелены. Ни по площадям, ни по рубежам, никак. Первый же залп как дали, то дали не по немцам, а по нам! Снаряд впереди меня разорвался, где-то метров 5–7, не больше. Грязью всех завалил. Этот Болдырев схватил меня за шиворот и в воронку от снаряда засунул. Да сам в неё прыгнул. И давай лопатой работать: я видел, что так только суслик может работать. Буквально до следующего выстрела он сумел вырыть окоп глубиной полтора метра. И уже, когда он углубил этот окоп до двух метров, то есть мы уже скрылись там, снаряд мог нас убить только при одном условии: если попадёт прямо по башке. А так нет. Вот как мы с ним уцелели. Конечно, эта разведка боем ничего не дала. Всё впустую было. Погублено много техники, погублены люди. Да нет, людей никто не считал, никому они были не нужны...

Перед этой разведкой боем нас пополнили солдатами из румынской армии. А что это за история с румынскими солдатами, знаете?

Кукуруза

К этому времени румынский король Михай, которому на тот момент было всего 23 года, подписал договор о капитуляции.

Историческая справка

В августе 1944 года советские войска вплотную подошли к границам Румынии. Перед лицом неминуемого поражения двадцатитрёхлетний Михаил решил на самый главный поступок в его жизни, благодаря которому и вошёл в историю, и был награждён Сталиным орденом «Победа». Он организовал государственный переворот – пригласил к себе румынского диктатора Антонеску, сотрудничавшего с Гитлером, и прямо в королевских покоях тот был арестован 23 августа 1944 года. Этим шагом, по мнению некоторых историков, монарх сократил войну почти на полгода, поскольку немцы были вынуждены бежать с Балкан.

И тогда солдаты-молдаване, которые были призваны из Бессарабии, все перешли в Красную Армию. Вот как проходило пополнение румынскими солдатами. Румыны – народ дотошный, и они своего нигде и никогда не отдадут. Поэто-

му солдат, прежде чем их передать в наши части, раздевали догола, забирали всё своё и только голых передавали нам.

Румынский солдат переходил по дощечке через речку, наши его тут ждали с обмундированием, одевали, обували, и он становился красноармейцем. Те, кто жил в Бессарабии, хорошо говорили по-русски. И вот с чем я впервые столкнулся. Прошло три-четыре дня, и мне старший ездовой доложил:

– Товарищ старший лейтенант, кто-то у лошадей украл всю кукурузу.

– Как?

– Кто-то пришёл ночью и украл, и лошади голодные.

А у меня пополнение – 26 румынских солдат. Я приказал:

– Старшего ко мне!

Подошёл старший группы румынских солдат и заявил:

– Мы уже трое суток не получали хлеба!

– Как это так! Старшина, иди сюда!

Старшина возмутился:

– Да что он, с ума сошёл?! Я каждому давал хлеба по норме!

А оказалось, хлеб, который им давали, румыны за хлеб не считали! И основным хлебом у них является кукуруза! Вот потому, что им её не давали, они все были голодные!

Дал я ездовому сутки: иди в любую деревню, проси, вору, что хочешь делай, но фураж у лошадей должен быть! До сих пор не знаю как, только фураж солдаты добыли.

Я сказал, что, если впредь пропадёт хоть одна кукурузина

для лошадей, с молдаван буду спрашивать. До конца войны прошёл с этими лошадьми и вернулся в Одессу, но больше таких случаев не было.

Головная походная застава

После того как все запасы пополнили, мы пошли во втором эшелоне наступающей армии преследовать немцев. 25 августа подъехал посыльный: «Срочно к командиру полка!»

Командир полка сообщил: «Одна из наших дивизий, которая наступала, попала в окружение немцев. Наша задача – подтянуться туда и помочь ей выйти из окружения».

До этой дивизии 15–16 километров было, а мы уже весь день прошагали. В нашем распоряжении оставалось где-то 4–5 часов, чтобы прийти в расположение окружённой дивизии затемно и помочь ей выкарабкаться. Командир приказал: «Посашков, ты со своей ротой назначаешься головной походной заставой». Головная походная застава – та часть боевого порядка, которая отвечает за развёртывание основных сил, если на них внезапно нападёт противник. То есть она является охраной всего полка.

Я зашёл в голову роты: «Рота, за мной!» И пошли. Шагали мы как полагается пять часов без передыху и к рассвету вышли на передний край немцев, которые окружили нашу 43-ю дивизию. Я скомандовал: «Рота, к бою!»

Развернулась рота, и я, только шагнул вперёд, смотрю – мины! Поле всё заминировано! И за тысячную долю секунды передо мной пронеслась мысль: остановиться или двигаться? Я понял одно: если сейчас остановлюсь, что будет с ротой?

Она остановится. Если я буду идти, она тоже, но надо как-то показать, что там мины. Впереди меня, я вижу, стоит дивизион немецкий. В дивизионе 12 орудий – 75-миллиметровые противотанковые пушки наготове. До них где-то метров 400–500, не более, и если я замешкаюсь хотя бы на сотые доли секунды, то проиграю.

Я крикнул: «Рота, за мной, вперёд! Делай как я!» И давай как заяц между минами петлять! А так как мины ставили ночью, то место установки каждой мины было заметно: свежий грунт, его видно. И я между этими минами давай прыгать. Солдаты увидели, что я делаю, давай делать то же самое!

И мы к орудиям подбежали раньше, чем немцы успели выбежать из блиндажей! То есть мы не дали немцам произвести ни одного выстрела! Фрицы начали отступать, мы кинулись их преследовать.

Спускаемся под гору. А со мной рядом постоянно шёл заместитель командира полка с головной походной заставы. И он мне указал: «Смотри, вон с того бугра спускаются немцы! Давай огонь по ним!» Я ответил: «Нет, это не немцы, это наши!» – «Я тебе говорю – стреляй!» – «Нет, не буду, это наши!» И в самом деле, когда ближе подошли – оказались наши.

Какое-то внутреннее чувство – по всему вроде должны быть немцы, а чутьё подсказывает – это русские! Объяснить не могу, но факт остаётся фактом.

Когда приблизились, я заместителю сказал: «Смотри!» А

почему же можно было перепутать? Наши солдаты, очень многие, носили немецкие плащ-палатки. Снимали с убитых, с пленных, со всяких! Немецкая плащ-палатка лучше, добротней. И только эти солдаты стали к нам подходить, немцы устремились в сторону Румынии.

И тут смотрю: штурмовики идут, наши «Ил-2». Это ж такая радость на сердце! Сигнал был дан для связи с авиацией – белые ракеты поднялись вдоль всей линии фронта. Штурмовики пролетели передовую и давай немцев утюжить! Пошли потом на второй круг, развернулись. Немцы-то не дураки, когда «Илы» вышли на второй круг бомбить передний край снова, наши опять дали белые ракеты, но, вместе с нашими, и немцы дали белые ракеты!

И вот лежу на спине, смотрю, наш лётчик-штурмовик летит над нами на высоте двенадцать метров, и я его вижу: он нажимает на гашетку! И по своим!..

Мишка, говорю ординарцу, давай быстро радиостанцию! Пока он шевырлялся, штурмовик обстрелял нас, но не попал, слава Богу! Мишка тут нашёл радиостанцию немецкую, бросили её фрицы при отступлении. И в этой радиостанции слышу русские голоса – два лётчика разговаривают. Я им кричу в микрофон: «Что же вы делаете! Пропустите и те и эти белые ракеты! Немцы далеко впереди!» И командиру пехоты: «Вы стреляете по нашим!» Командир: «А почему было по две ракеты?» Разобрались. К вечеру уничтожили противника и пошли наступать! Начали преследование.

И наша дивизия вышла в первый эшелон. С немцами здесь закончили. И задачей нашей стало как можно быстрее дойти до болгарской границы. На календаре было 8 сентября 1944 года.

Гусь

Остановили нас немцы на рубеже – Никопольский плацдарм. Залегли и окопались все: немцы и мы, и пошёл дождь. Проливной дождь лил сутки. Всё намокло, все промокли, в траншее такая грязь, не приведи Господи! Спасались от дождя так: винтовку клали сверху поперёк траншеи и накрывали её плащ-палаткой. И под ней сидели в этой грязи.

Наутро ударил мороз, хороший мороз, градусов, наверно, 7–8. Приоткрыл плащ-палатку и слышу: «грррр-грррр» – гусь как будто. Поднимаю голову, смотрю, в самом деле, летит гусь. И летел он вдоль линии фронта, точно посередине между нами и немцами. Сначала все вылезли и смотрели на гуся, куда и зачем летит. Потом кто-то выстрелил, я так и не понял: фрицы или русские? Прозвучал один выстрел, а потом за ним такая пальба началась – туши свет! И с нашей и с немецкой стороны – и всё по этой несчастной птице! И гусь строго посреди упал, между траншеями, нашими и немецкими. Солдаты до того увлеклись этим наблюдением, что повысовывались из траншей с обеих сторон и всё смотрели: куда же этот гусь упал? Всем было очень интересно!

А тот солдат, Болдырев, который меня в воронку затащил, смотрю, выскакивает из траншеи и бегом за этим гусём. Схватил «за жабры» – и назад. А немцы сообразили, что надо стрелять, когда он уже в траншею спрятался. Э-э, как на-

чали палить они в нашу сторону – ещё больше, чем по этому гуся! Кошмар один был! Настрелялись досыта, всё – бросили, затихло. Потом часа через три пошёл запах по траншее. Одурающий запах жареного гуся. Думаю, Господи, как это он смог его приготовить?! Главное, ни дров, ничего нет абсолютно! На чём и как это можно было пожарить добытого гуся?!

Подошёл старшина, развернул портянку и сказал: товарищ капитан, ваша порция. А почему говорили так: «ваша порция»? Существовал такой порядок: раз в месяц все офицеры получали доппаёк. Туда входили печенье, сало, бекон американский, сигареты и мясные консервы. Всё это делилось на всю роту, и каждому раздавалось сколько положено, сколько пришлось. Никаких привилегий никому! Поэтому и солдаты, когда где-то им там что-то перепало, находили или сами жарили и пекли, обязательно делились с офицерами. Это уже стало законом! И вот старшина принёс мне гусиную ножку, там мяса этого было – маленький кусочек, но аромат! Знаете, я в Кремле был, на приёме у президента Сирии был, но ничего вкуснее этого кусочка гуся я нигде не ел!

А как, спрашиваю, Болдырев, ты его приготовил? А он в траншее вырыл ямку, гуся завернул сначала в чистую бумагу, а потом в промасленную. Когда патроны укладывают в ящик, то заворачивают сначала в промасленную бумагу, а потом в чистую. Вот в эту промасленную солдат и завернул гуся. Потом в тряпку, потом ещё в одну, засыпал землёй, гли-

ной и песком, а сверху развёл костёр. А дрова откуда взял? Да ящики из-под патронов сапёрной лопаткой расколочил – вот вам и дрова! И этот костёр пропёк гуся до готовности.

Молодец солдат! Он потом на Днестре блинами меня угощал. Пошёл в деревню, а из того же обоза, про который я говорил, взяли свитера немецкие. А немцы хорошо своих солдат одевали: свитера были чисто шерстяные. Болдырев пошёл в деревню и сменял свитер на муку. Вернулся и напёк блинов. Рано утром просыпаюсь – такой одурманивающий запах, язык проглотишь! Я встал и пошёл на запах, старшина мне навстречу:

– Товарищ капитан, а я вам завтрак несущу!

– Так ты же уже давал кашу перловую!

– Нет, это другое – смотрите...

Приподнимает тряпицу, накрывавшую котелок, а там на дне лежат три блина. Понюхал, пахнет вкусно, прелесть одна.

– И кто же их жарил? Болдырев?

– Ну да, бандюган наш! Он у нас на все руки мастак!

А у роты основные котелки были круглые, царские, медные, вдвое больше обычных. И есть из таких котелков удобно, и варить в них, и жарить, да всё что угодно! Так вот Болдырев на таком котелке и готовил блины. Четыре штыка воткнул, поставил на них котелок и жарил. А вместо масла – оружейная смазка. И блины получились – объеденье, любая хозяйка позавидует! Вот вам и смекалка простого русского солдата – чего не придумаешь в тяжёлой боевой обстановке.

Этот Болдырев с нами до конца войны прошёл.

Пасека

Дней пятнадцать мы простояли в обороне. Ночью мёртвая тишина, не стреляли ни немцы, ни наши. Стреляли днём.

Вдруг ночью слышу – пальба такая страшная началась! Господи, и главное, на моём участке. Я бегом к этому месту, смотрю, прыгивает со стороны немцев мой солдат.

– И что ты там делал, сукин сын?

– Вот виноват, тысячу раз виноват! Не говорите только контрразведчикам, что я туда ходил, затаскают.

– Где ты там был, что делал?

– Вот вчера, когда командир взвода развернул карту, я увидел на ней пасеку. И недалеко от нашей траншеи. Я подумал, почему мне бы туда не сбегать за мёдом.

– И что?

– Я туда сбегал и две рамки принёс. Ну, получилось как-то так, что солдаты сожрали всё. Но на всех всё равно не хватило, ни взводному, ни старшине ничего не досталось. Я решил, что сегодня пойду и ошибку эту исправлю. И когда туда пришёл, они уже там ждали – немцы. Но меня чутьё не подвело: прежде чем подойти к пасеке, взял огромный кусок земли и кинул туда. Так немцы как дураки выскочили из всех кустов – и на пасеку. Ну, вижу, что дело дрянь, и быстренько на разворот, и успел назад удрать.

– Ну, слава Богу, жив остался...

Болгария

Вызвал как-то меня командир полка и приказал: «Пойдёшь опять своей ротой головной походной заставой! Будем пересекать румыно-болгарскую границу. С тобой отправится заместитель командира полка». А заместитель командира полка служил полковником ещё в царской армии! Превосходный, воспитанный, образованный, воплощавший все самые лучшие качества офицера.

Когда мы с ним подъехали на лошадях к румыно-болгарской границе, он мне сказал: «Ну что, сынок, крестись, хоть ты в Бога не веруешь! Когда ещё в жизни тебе придётся пересекать две границы сразу! Что нас ждёт впереди, только один Всевышний знает...»

В основном составе был головной дозор. Я приказал выдвинуться на расстояние 500 метров, обследовать местность и доложить. Вернувшийся командир взвода сообщил: «Тишина абсолютная. Деревушка спит, никого и ничего нет. Никаких немцев». И тут вдруг взрыв гранаты! И вся деревня поднялась! Или они были в напряжённом ожидании, или знали, что мы в эту ночь придём?.. Вся деревня выскочила как по тревоге на улицу!

– А, рус нация?! Добре дошло! Добре дошло! Рус-рус – добро пожаловать!

И как из-под земли: лепёшки и вино, сыр и яйца! Окру-

жают каждого солдата, впихивают ему: «Возьми Христа ради! Возьми! Русский – добро пожаловать!»

И к утру прошли мы уже километров около тридцати от границы, после чего остановились на привал.

Потом же до самой Варны двигались без боевых действий. А когда туда подошли, сопротивление немцев возросло. Бои велись непосредственно в самом городе.

Но я не буду рассказывать о боевых действиях в Болгарии. Скажу только одно: более дружелюбных людей, чем болгары, которые встречали нас во время войны, не видели ни на территории самой Российской Федерации, ни тем более на территории Украины. Самый радушный, доброжелательный, сердечный приём оказали русским войскам болгары!

К концу апреля бои шли недалеко от города Ямбол. Кто-то доложил командующему фронтом о том, что мои солдаты бедствуют от недоедания, что им не выдают паёк, и они голодают уже какой день. Срочно была построена вся дивизия, и пришёл генерал с группой офицеров проверять, что и как едят солдаты.

Позади построенной дивизии стояли болгары с нагруженными осликами. И на каждом ослике – мешок с вином, яйцами, салом, мочёными перцами, лепёшками, сигаретами – бери и ешь сколько душе угодно!

Доложился генералу и скомандовал: «Рота, снять вещевые мешки! Открыть вещевые мешки! Вынуть продовольствие!» Генерал: «А что? Там есть продовольствие?» Подхо-

дит к первому солдату, заглядывает в вещмешок, а там лепёшки, а на них куски сала, сверху закрыто другой лепёшкой. Отдельно мешочек с яйцами лежит, отдельно мешочек с маринованными перцами.

Генерал посмотрел на меня, на солдата и говорит: «Какая же сволочь придумала, что солдаты столько дней не ели?! Да у него одного в мешке еды на десять дней на пять человек!»

Показал я генералу на болгарский «продовольственный» обоз:

– «Сейчас им скажу, они подъедут и начнут припасы выдавать!»

Так болгары кормили советских солдат во время войны на своей территории.

Война закончена

8 мая 1945 года к вечеру полностью освободили болгарский город Ямбол. Дивизия собиралась покидать город и готовилась уйти в горы для расквартирования. И вдруг болгарское радио сообщило, что война закончена! С этой радостной новостью мы поднялись в горы севернее Ямбола и расквартировались в лесу.

А наутро 9-го уже советские радиостанции объявили о Победе над Германией. Конечно, нашей радости не было предела! Бойцы с таким воодушевлением, с таким ликованием встречали это известие!

Молодых солдат практически не было. Почему? Слышали такое слово «чернорубашечники»? Брали в армию подряд всё мужское население до 43 лет. Вот это и составляло основную массу солдат к концу войны. А молодые – они все воевали в начале войны и погибли. А вот старики остались, уцелели.

И когда объявили, что конец войне, подошёл ко мне самый старый солдат, 63 лет, и говорит: «Товарищ капитан, можно мы отпразднуем День Победы?»

А командир полка прибыл новый, молодой офицер, только что закончил Академию. Он категорически запретил устраивать какие бы то ни было праздники.

Я спросил:

– Ты слышал, что командир полка сказал?

– Слышал.

– Мы будем выполнять абсолютно всё, что он сказал. Выпивать мы не будем. А ты что привёз?

– Две бочки по 200 литров молодого виноградного вина болгары привезли в роту.

– И что ты собираешься делать?

– Товарищ капитан, вы не переживайте, мы вас в бою не подводили, а тут что?..

– Ну, смотри!

В роте у меня было 76 солдат и 5 офицеров, санитары – около сотни человек набиралось. Я офицеров собрал у себя в землянке, выпили по чуть-чуть, всё как следует, и легли спать.

И утром встал я пораньше, побрился, привёл себя в порядок, пошёл туда, где солдаты праздновали День Победы. Пришёл – чистота абсолютная, нигде ничего не валяется, всё ухожено, всё прибрано.

И только вернулся в свою канцелярию, посыльный – срочно вызывает командир полка.

– Мне доложили, что твоя рота всю ночь пьянствовала?!

– Извините, товарищ полковник, кто доложил?

– А твоё какое дело?

– А потому что доложили неправду. Если это офицер, я буду с ним разговаривать по-офицерски. Он нарушил честь офицера.

– Ишь, какой ты задиристый!

– Я не задиристый, просто не терплю несправедливости.

Если угодно, пойдёмте со мной на то место, где расквартированы солдаты. Или, если хотите, я всю роту построю и приведу сюда. Как прикажете.

– Построй роту в расположении.

– Есть!

Построил роту. Пришёл полковник. Солдаты все вычищенные, со свежими белыми подворотничками, побритые, всё как положено.

Полковник походил, поглядел...

– Так что, товарищ полковник, назовёте мне фамилию того, кто вам доложил?

– Нет.

– Как это понимать?

– А никак!

Повернулся и ушёл.

Вот какой подлец это сделал и зачем? Я знал, что мне подражали и завидовали. В моей роте была самая лучшая Ленинская комната, куда заходили с удовольствием. У меня солдаты ходили в вычищенных хромовых сапогах, в выстиранном отутюженном обмундировании. Я понимаю, что во мне «играла молодость».

Возвращаясь мысленно в детский дом, где мне пришлось побывать, я всегда вспоминал воспитателя, очень строгого мужчину. Дисциплина была строжайшая. Когда я, малень-

кий мальчишка четырёх лет, ложился спать, всего один раз у меня оказались нечищенные ботинки. Воспитатель меня поднял и заставил вычистить обувь у всей группы – 20 пар ботинок! С тех пор на всю жизнь я усвоил, что обувь надо чистить и ставить на место!

Наверное, это и определило уже в военной жизни то, что у меня солдаты всегда были вымыты, вычищены, приведены в порядок, и пахло от них мужским духом, а не портянками.

Графин с водой

Запомнился такой смешной эпизод. Уже домой собирались. Офицеры обедали и ужинали в ресторане (ресторан был переделан под офицерскую столовую). И командиру полка оказалась непонятна одна ситуация. Все офицеры заходят в ресторан. На столах ни у кого спиртного нет, а выползают все оттуда на четвереньках. А на каждом столе стоял графин с водой. Так офицеры выливали воду, а заливали ракию – местную водку, а она по цвету, как вода. И сидели себе потихонечку, проводили политбеседу.

И уже в последний день подошёл к моему столу командир полка и спросил:

– Посашков, в чём дело?!

– Что, товарищ полковник?

– Почему они все выходят отсюда пьяные?

– Не знаю, товарищ полковник, может, до столовой куда заходят и принимают на грудь?

– Да нет! Тут что-то не так! Но ты можешь мне раскрыть секрет, всё равно же завтра уходим.

– Только ради того, что завтра уходим, мне и не хочется раскрывать секрет. Пусть сегодня досидят спокойно.

– Какое ты слово сказал? Досидят? Ага, значит, пока они сидят, здесь что-то происходит...

– Не знаю, товарищ полковник. Можете нас проверить.

А я сидел за столом со своими взводными. И у нас этот графин стоял. А у меня сердце аж зашлось. Ну, думаю, не дай Бог, полковник из нашего графина нальёт... Хоть под стол прячь! Но он поговорил и ушёл. А я быстренько из графина разлил. Мы выпили. Ну, пронесло!

И только когда на марше шли, на третий день вызвал меня к себе полковник.

– Так что же всё-таки там было в офицерской столовой?

– Товарищ командир, во всех графинах была водка. И официант всё время следил, чтобы они оставались полными. Поэтому вы никогда не видели полупустых или пустых графинов.

– Ну и безобразие! – только и смог сказать командир полка.

Членовредительство

Командир полка у нас, молодой и неопытный, на первый день назначил марш 60 километров – это вместо 20–25 км и не больше! Прошли! У солдат портянок не хватало, чтобы натёртые места замотать. Полк превратился в сплошной госпиталь! Потёртости между ног, потёртости самих ног, потёртости ступней... Полк оказался выведен из строя.

Собрал командир полка офицеров и спросил:

– Что будем делать?

Я ответил:

– Товарищ полковник, если мы не дадим возможности солдатам самим разобраться и найти способ, как двигаться дальше, нас всех ждёт беда. Нас будут судить за членовредительство. Мы по своему недомыслию вывели полк из строя.

– И что дальше?

– Дальше ничего. Надо, чтобы мы прошли завтра максимум 15 километров и с каждым днём прибавлять понемногу до тех пор, пока все солдаты не поправятся. Тех, кто не может двигаться, загрузить в санитарную машину и санитарные повозки. И только в этом случае мы сможем добиться того, чтобы они выздоровели. Иначе мы с ними просто до места не дойдём.

А надо было пройти 1 450 километров домой.

А домой идти было стыдно! Очень стыдно. Обмундиро-

вание изношенное, обувь изодранная – страх!

И что мы придумали со старшиной перед возвращением на родину? В Болгарии тепло, и зимнее нательное бельё не выдавалось. Остались у нас кальсоны и рубахи. Купили мы зелёной краски у болгар и перекрасили всё тёплое бельё в защитный цвет. Так заменили брюки и гимнастёрки на это вот крашеное бельё.

Когда проходили через населённый пункт, старались роту построить так, чтобы все эти крашеные и мазаные находились внутри, а во внешнем строю печатали шаг солдаты в настоящем обмундировании. Так и дошли к сентябрю до Одессы.

Ах, Одесса!

Одесса – город абсолютно неповторимый, не похожий ни на один из городов России и бывшего Советского Союза. Совершенно особенные люди и потрясающе своеобразные отношения. Если кто идёт по улице и несёт что-нибудь под мышкой, его обязательно остановят.

– А где вы это купили?

Что вы думаете, он ответит?

– А вы что, тоже хотите это купить?

У одесситов необходимым условием жизни является утреннее посещение Привоза. Как это с утра не сходить на Привоз? В Одессе это самый известный сельскохозяйственный рынок. Там было всё – начиная от керосина и кончая курицей. И самое интересное – походить по этому рынку, посмотреть, что он из себя представляет. Вы хотите купить, например, свёклу. Она должна быть не кормовая, а настоящая сладкая свёкла, которую используют в салат. Что делает продавщица, чтобы эта свёкла была сладкой? У неё на столике лежит рассыпанный сахарин. Она аккуратненько лезвием ножа касается сахарина и отрезает кусочек свёклы. Даст вам попробовать, сладкая она или нет. Естественно, если вы попробовали, и она сладкая как мёд, вы её купите. Но только благодаря сахарину. Все одесситки знают, что продавщица делает так, но – они привыкли к тому, что иначе просто не

бывает.

По прибытии в Одессу вся моя рота на сто процентов подлежала демобилизации, и старшина в том числе.

Вызвал меня командир полка – принимай учебную роту. Я сказал:

– Наверное, я отдохну сначала? А потом приму.

– Сколько тебе надо на отдых?

– Дней 10–15.

А радость была в том, что деньги мы во время войны не получали. Они все шли на сберкнижку. И за военные годы накопилось так много, что можно было расходовать как хочешь! С моими друзьями, которые все старше меня на 10–15 лет, мы такую весёлую компанию организовали и пили водку, сколько могли! Одесса есть Одесса! И если имеешь желание повеселиться, вопросов нет! Тебе сыграют и «Мурку», и Бетховена, и кого хочешь! Плати только деньги – до утра будут играть и петь.

Прошло, наверное, дней десять такого разгула, пришёл ко мне ординарец командира полка и передал приказ – срочно явиться к командиру:

А полковник с места в карьер:

– Ну, как? Нагулялся?

– Товарищ полковник, я вам высказал своё мнение, что служить не собираюсь, нет у меня никакого желания служить. Хочу получить высшее образование и стать связистом. Мне очень интересна дальняя связь.

– Вот что! Мало ли что тебя может интересовать... А сейчас тебя должна интересовать новая рота солдат. И заниматься этой ротой ты будешь с утра и до поздней ночи. Пока не сделаешь из неё настоящую роту!

– А если нет?

– Я тебя посажу! Трибунал в дивизии свой, мне рассказывать нечего. Это дело одного дня! Я тебя упеку, и всё!

У меня не было другого выхода. То есть всю ту энергию которая у меня была и которую не знал, на что и как израсходовать, я направил на обучение солдат.

– Откуда вы?

– Кировоградские. Год отслужили.

Шёл сентябрь 1945 года.

Румынский конь

Кончилась война. 1946 год пошёл. Я снял квартиру в Одессе между вокзалом и воинской частью, где служил. Естественно, появилось желание одеться хорошо и красиво. А тогда мода была – широкие брюки клёш, 36 сантиметров внизу. У меня уже имелся отличный мотоцикл «Харлей-Дэвидсон». Он и сейчас на вооружении американской полиции. Классный мотоцикл! Сел я на него и поехал на одесскую толкучку.

Толкучка – это место, где продавались все импортные вещи: американские, немецкие, итальянские – Одесса же мировой порт. И там можно было купить всё! Ну и купил я брюки клёш, сшитые из бостона, голубую американскую рубашку. А ещё кожаную куртку и ковбойскую шляпу. Вот такой образ у меня был. Почему? Как командир пулемётной роты я имел верховую лошадь, точнее, коня. Жил я тогда в середине Одессы на улице Пушкина, примерно в четырёх километрах от казармы. И со службы к себе домой ездил верхом. Конь был редкой красоты, строевой. Я взял его в бою, когда освобождали Бухарест – румынский конь. Очень умный, обученный, знающий команды, понимающий, какого обращения заслуживает. То есть гораздо способнее, чем плохой солдат. На нём можно было доехать домой без коновода хоть откуда, даже отвязать и сказать: «Иди домой!», и он шёл до-

мой. Самое интересное, что его никто не мог ни остановить, ни поймать по дороге. Когда к нему приближался человек и хотел взять его под уздцы, он подпускал к себе очень близко, а потом кусал, как собака. И как-то раз случился такой эпизод.

Был выходной день. Заходит милиционер и даёт мне повестку: явиться в отделение милиции для беседы. Я, честно говоря, даже представить себе не мог, по какому поводу меня вызывают. Я военнослужащий, для провинившихся есть наш военный прокурор, который занимается рассмотрением дел офицеров и солдат. Однако не стал возражать. Взял повестку, сел на мотоцикл и поехал к начальнику милиции. Пригласив меня в кабинет, тот сообщил:

– Вчера твой конь укусил милиционера на посту.

– Это исключено, и не может быть такого варианта. Мой конь никогда этого не сделает.

– Может-не может, вот лежит рапорт это милиционера.

Я прочитал. Да, действительно пишет, что конь укусил его за плечо.

– Вы знаете что, во всём виноват милиционер. Наверное, он его хотел задержать. Конь строевой, обученный. Сам знает дорогу, сам знает своё место, знает, где идти, где встать.

– Нет, я всё же обязан проверить!

– В таком случае я сейчас позвоню в часть и скажу, чтобы привели моего Орлика.

Мой коновод привёл коня. Приехали, милиционера поста-

вили на место, где он должен стоять как регулировщик, не было светофоров тогда. Я отъехал за квартал, слез с коня, дал ему кусочек сахара и сказал: «Домой!» И он двинулся в сторону дома. Я чуть в отдалении пошёл следом. А полковник милицейский всё это наблюдает. Подходит конь к перекрёстку. Милиционер показал ему красный сигнал. Конь остановился, стоит. Полковник смотрит на меня и смотрит на коня: неужели он знает, что на красный свет двигаться нельзя?! Дальше постовой развернулся, палку поставил вдоль. Мой Орлик пошёл опять вперёд. Я предложил:

– А теперь скажите милиционеру, чтобы он пошёл к нему и взял его под уздцы.

Полковник дал эту команду милиционеру. Тот дошёл до середины пути и встал как вкопанный:

– Нет, я дальше не пойду.

– Почему?

– А потому что, когда я вчера к нему подошёл, он меня укусил.

– Ага, вон чего!

Повернулся я к полковнику.

– Есть ко мне вопросы?

– Нет. Вопросов нет...

На этом инцидент с румынским конём был исчерпан.

Учебная рота

Солдаты учебной роты, которую мне дали, все оказались призваны из одной деревни Килековка Кировоградской области. Это было и хорошо, и плохо. Все знали друг друга с детства, и никто никому не подчинялся. Мне тоже... вначале.

На первом подъёме в роте проснулись только 56 человек, остальные ночевали, где вздумалось. Я остался практически один на сто солдат, ни старшины, ни взводных у меня не было.

Пришёл к своему другу – командиру разведвзвода, старшине Фёдорову. Ему ещё год оставалось служить.

– Фёдор, пойдём ко мне старшиной! Давай хорошим делом займёмся!

Командир полка приказом перевёл его ко мне и дал ещё трёх взводных.

И таким составом мы приступили к учебному процессу. Я понял одно: когда человек делает дело с желанием и любовью, у него всё получается красиво и здорово! Я из этих солдат сделал настоящих курсантов, как это себе представлял, и таких же, как сам был в училище. И к ним предъявлял те же самые требования, что и в бытность мою курсантом.

Энергии у меня было предостаточно: молодой, здоровый, крепкий, сильный – проблем в воспитании солдат не было

никаких!

Тогда командир роты мог объявить боевую тревогу в любой момент, когда считал нужным. Пришёл я в роту к подъёму на второй день, смотрю, опять 12–13 человек нет!

– Рота, боевая тревога!

А боевая тревога – это значит всё одеть и всё повесить на себя. Рота должна построиться в полной боевой готовности.

– Противник высадился в районе населённого пункта Петровка, задача – выдвинуться и уничтожить противника.

А Петровка – это стрельбище, условное название.

– Рота, за мной, вперёд!

Семь километров до стрельбища бегом.

– Рота, к бою!

Развернулись, отстрелялись.

– Рота, за мной! В казарму!

Прибежали в казарму.

– Оружие почистить! Поставить на место! Помыться, побриться, приготовить на завтрак!

Я сдавал роту старшине, и дальше он ею начинал командовать. Целый месяц такие тренировки вёл. И по истечении этого срока рота была уже на достойном уровне. Оставалось решить вопрос с внешним видом.

Шинели

При увольнении старшина моей роты оставил мне подарок. Подарок заключался в том, что на всю роту, на 100 человек, имелось новое обмундирование, новые шинели. Погон повседневных тогда не было вообще, никто их в глаза не видел, какие они и зачем? Были только полевые погоны, которые крепились на гимнастёрку. А вот шинели, шапки-ушанки составляли комплект. Выдавали новый комплект только на призывном пункте. Вот Твардовский написал в своём стихотворении:

По дороге прифронтной,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Так не выдавали новые шинели в госпитале. Солдат получал только постиранный, приведённый в порядок комплект с шинелью, в которой шёл на фронт. Здесь я с Твардовским не согласен. Почему так написал? Может, в рифму хорошо шло?

Прошёл месяц после того, как я взял новобранцев. Вызвал меня командир полка:

– Вышел приказ министра о генеральной проверке всех вооружённых сил.

А это уже декабрь 1945 года. Во всех воинских частях начался разброд и шатания, пьянки. Никто служить не хочет, грабежи. Как раз в Одессе вся эта канитель была. И многие командиры пошли по этому же пути, сами начали пить – полное разложение армии. И сказал мне полковник:

– Несколько командиров дивизий сняли, командиров полков выгнали без пенсии, без ничего...

– Так я-то тут при чём?

– Через месяц приезжает военная инспекция, будут проверять состояние дисциплины, боевой и политической подготовки в нашей дивизии. От полка представляется всего одна рота. Рота эта будет твоя.

– А меня-то за что?!

– Всё ты понял, что я тебе сказал? Я знаю, что говорю.

– Есть.

Пришёл я в роту. Старшине приказал: «Получить новые шинели». Как раз перед Новым годом дело было. Уже ввели погоны, и требовалось привести шинели в надлежащий вид. Посадил я всех солдат, показал, как пришить погоны, как пришить петлицы. А меня этому научил старый еврей, который мне первому в Одессе сшил мундир. И я первый офицер, который в полку надел настоящий офицерский мундир. Тот же портной мне потом сшил шинель, а позже и сапоги – одел меня, как старого русского офицера. И научил, как пра-

вильно экипировать солдат и как нужно содержать обмундирование. Я солдатам всё рассказал, показал.

И, буквально на второй день, когда я вывел роту на завтрак, идёт командир полка. Я командую: «Рота, смирно!», «Равнение направо!» Доложил командиру.

– А это что за солдаты? Откуда они? – полковник спрашивает.

– Товарищ полковник, это первая пулемётная рота.

– А откуда они это всё взяли?

– Так вы ж сказали, инспекция будет!

– А где ты это всё держал?

– Я не держал. Держал завскладом. У него всё лежало.

– А откуда у него взялось?

– А ещё старшина во время войны получил новое укомплектование роты. Но вывезти со склада не сумел, не на чем было. Вот и сохранилось. А когда увольняли, я пожалел. Понял, что мне никто никогда нового не даст. Вот поэтому оставил.

– Надо было наказать старшину.

– Нет, чего его наказывать, он теперь колхозник. Его теперь не накажешь.

Посмеялись, поговорили. А хохлы – ребята рослые, рост приличный, за метр восемьдесят. Любо-дорого посмотреть.

– А как они строевым ходят?

– Могу сейчас показать, товарищ полковник. И как песни поют.

Прошли строем, спели песню.

Командир полка отметил:

– Ну что, эта рота подходит к инспекции. А стрелять-то они умеют?

– Чего-чего, товарищ полковник, а стрелять умеют.

– А физподготовка?

– И физподготовка, само собой. Хотите, сейчас продемонстрируют?

– Что ты, что ты! Не надо, не надо...

Так мы успокоили командира полка. Осталось только подтянуть политическую подготовку.

Сам я занялся с сержантами политподготовкой. Прошёл какой-то пленум развития сельского хозяйства, какие-то приняли постановления. Командиры взводов уже натаскивали рядовых. Солдаты должны были знать все эти цифры: сколько зерна, сколько овец, коров и так далее, сколько доярки надоят... Я всех сержантов усадил и сказал, кто на какой вопрос будет отвечать, заставил их пять–семь раз повторить одно и то же.

Выучили. А вскоре и инспекция приехала.

Военная инспекция

Где-то дней через двадцать приехала военная инспекция. Построили полк. Командир полка объявил, что для проверки представляется первая пулемётная рота. Командир роты такой-то. Строй солдат показали. И с этой минуты началась проверка.

Вначале проверяли политзанятия. Пришёл ко мне генерал-политрук. Я отвёл всё как полагается. Когда закончили, он меня спросил:

– И сколько ж ты репетировал с каждым?

– Товарищ генерал, зачем мне это надо? Мне прока нет никакого от этого всего. Во-первых, с солдатами политзанятия проводит не командир роты, а командир взвода. Я провожу занятия только с сержантами и за них отвечаю. Вот если спросите, сколько с сержантами репетировал, могу ответить.

– И сколько же?

– Ни одного раза.

– И как тебе это удалось?

– А я им просто сказал взять и выучить наизусть.

– Такого ещё никто не выделявал!

Ладно, наговорились мы с ним. Пятёрку рота получила за политподготовку.

На второй день – стрельба. На третий – физподготовка. И

на четвёртый день – строевая.

Во время огневой подготовки проверялось упражнение для пулемётных рот. Десять патронов – пять попаданий в мишень – пятёрка, четыре – хорошо, три – посредственно.

Командир полка обратился ко мне с прямым вопросом:

– Как стреляет рота?

Я ответил чётко:

– На пятёрку.

– Ну да...

И решил, наверное, подзадорить нас:

– Кто стрельнёт на пятёрку, я даю двести рублей.

– Товарищ полковник, вы зря так. Вам платить придётся.

– А тебе как командиру роты даю пятьсот рублей, если стрельнёшь на пятёрку, и взводным тоже.

– Ну хорошо.

А первым как раз и должен был стрелять командир роты, то есть я. Взяли пулемёт на позицию, вывели к бою, на огневой рубеж, развернули пулемёт, установили, отстреляли.

Командир полка поторопил: «Пойдём, поглядим, чего ты тут настрелял?» А у пулемёта «максим» есть одна особенность: надо очень хорошо набить сальник вокруг ствола, потому что ствол нагревается и сальник садится. Если он не плотно набитый, то начинает подтекать, вода вытекает и ствол нагревается, горячим становится. Я это делал всегда сам. Никому не доверял. Потому что сальник надо абсолютно точно и чётко набить, чтобы ни на одной стороне не было

толще или тоньше, а абсолютно одинаково.

Посмотрел генерал на мишень – десять пробоин. Поглядел на меня, на командира полка и распорядился: «Ну что, раскошеливайся!» Я обратился к командиру полка:

– Товарищ полковник, я б на вашем месте эту ставку снизил, стрелять будут все на пятёрку.

– Что же ты так уверен?!

– Уверен, потому что сам их учил, не кто-то, и я за них отвечаю. И знаю способности каждого солдата.

– Ладно, посмотрим.

Сначала первым десяти он давал по двести рублей, потом дошло до пятидесяти.

– А я что говорил, товарищ полковник?

Пятёрку рота получила и по огневой подготовке.

На третий день – физподготовка. Подтягивание, кувырок, подъём с упором и последнее упражнение – прыжок через коня. Эффектно, конечно, получается, когда солдаты прыгают один за другим без перерыва. Впечатляющее зрелище, и я это знал. Построил роту и приказал: «Прыгаем как всегда! За мной! Пошёл!» И первым разгоняюсь, перескочил и тут же становлюсь, чтобы придержать следующего, если он свалится, на всякий случай – так положено. За мной командир первого взвода. Я отхожу в сторону, он становится на моё место. И пошёл один за другим как челнок через этого коня. Генерал сначала просто смотрел, а потом схватился за живот и держится, начал смеяться: – Ну я ещё такого кино не ви-

дал! Они как тараканы, один за другим, как будто уцепились друг за дружку!.. Ну молодец! Ну молодец! А как ты воевал?

– Как надо, товарищ генерал! Хорошо воевал.

– Ну молодец! Ну а дальше что?

– А ничего. У меня есть желание уволиться.

Посмотрел генерал на командира полка:

– А ты чего думаешь?

– Ни о каком увольнении, товарищ генерал, не может быть и речи! Что он, с ума, что ль, сошёл: если его уволить, а кого оставить? Вот этого, – показал, – его оставить? Так у него образования четыре класса. И взять с него нечего.

За физподготовку нам тоже пятёрку поставили. Потом была строевая подготовка, где проверяется выправка солдата. Всё, что на нём надето, правильно ли надето, правильно ли пришпилено, приколото.

Всё проверили: отдание чести, прохождение строевым шагом и строевую песню. Хохлы замечательны тем, что умеют очень красиво петь. И вот эти сто глоток грянули: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Генерал смотрел, смотрел и произнёс:

– Слушай, так они ж поют лучше, чем хор Александрова!

– И я так говорю, товарищ генерал!

– Да... Я тут подумал и пришёл к интересному выводу: выйду с предложением на министра сделать из них офицеров, и если ты их ещё годик поучишь, то это будут первоклассные офицеры.

– А я здесь при чём, товарищ генерал?!

– Так командир роты – ты!

– Так сколько ж я могу быть командиром роты?

Он посмотрел на меня и на командира полка посмотрел:

– И что ты его мурыжишь?

– Я ему, товарищ генерал, потом отдельно скажу.

Всё закруглили, общую пятёрку я получил по строевой подготовке, и общую пятёрку рота получила.

Командир полка издал приказ: мне за отличную подготовку роты выдать премию в размере месячного денежного содержания – две тысячи двести рублей.

И состоялся у нас с командиром полка серьёзный разговор:

– Ты задал вопрос не только генералу, но и мне: «Почему держу тебя столько лет на должности командира роты?» Честно тебе признаюсь: у меня умысел в этом есть. Я знаю, что любая инспекция, какая ни пришла бы ко мне с проверкой, положительно оценит только твою роту, а с другой ротой у меня гарантии нет никакой. Так зачем же мне рубить сук, на котором сижу?

– А я как же?

– Так ты ещё молодой! Тебе всего двадцать три года. О чём ты ведёшь речь?

– Товарищ полковник, так я же из этих лет три года воевал. Или они не в счёт?

– Да нет, всё в счёт. Ну ты послужи ещё.

– Так я потом стану старым, никому не буду нужен.

– Ну ладно, чтобы тебе сменить обстановку, давай, отправлю тебя на курсы офицеров, а там видно будет, что с твоей карьерой делать.

Казус

Вызвал меня командир полка после проверки и сказал, что меня отправляют на курсы усовершенствования, чтобы я теории немножечко поднабрался. Тогда были специальные курсы усовершенствования офицерского состава. И год учился я на этих курсах.

В это время приехал командовать округом Г. К. Жуков – большой любитель парадов. (9 июня 1946 года Жуков был снят с должности Главкома сухопутных войск – замминистра Вооружённых Сил СССР и назначен командующим войсками Одесского округа/Википедия.) И первый же парад в Одессе – Первомайский парад 1947 года. Я уже находился на курсах усовершенствования офицерского состава. И наша офицерская коробка открывала этот парад. Коробка – это сто человек: десять на десять. Вооружили нас шашками для эффекта. А так как рота стояла перед восходящим солнцем на плацу, то выглядело бы это очень красиво. Но вся беда в том, что офицеры, которые были на этих курсах, никогда с шашкой и шпорой дела не имели и не знали, как этой шашкой махать, а тем более красиво.

Когда идёт начальник парада вдоль офицерского состава, то по уставу положено встретить его. Начальник курса командует: «Рота, смирно! Для встречи с фронта слушай на караул!» По этой команде все офицеры должны шашку вынуть,

поднять вверх на вытянутую руку, резко опустить концом шашки к носку левой ноги. Но так как офицеры это никогда не делали, и начальник курса никогда не делал, то, естественно, шашки вынули, и каждый тыкал её, где свободное место было... Получилась такая ерунда, такой ёжик из этих шашек, что смешно смотреть было.

И вот на репетиции парада Жуков уже близко подходит и кричит: «Вольно! Вольно!» По этой команде шашку надо вложить в ножны. И каждый втыкал, как только мог. Жуков подошёл к начальнику училища, и как он его ругал! Только деревянные уши могли это выдержать. Дал ему срок – через два дня прийти сюда, и чтобы вся рота выглядела как положено.

Пришли мы назад в казармы понурые, подавленные и расстроенные, что так всё нехорошо получилось. Начальник курсов спросил:

– Кто из вас знает эти приёмы?

Когда я учился в ашхабадском пехотном училище, у нас машин не было, были лошади. И эта подготовка входила в программу обучения. Вывеска, выводка и так далее. Я это всё знал и умел делать хорошо. И вышел вперёд:

– Я умею!

– Вот тебе два часа сроку. За два часа научи.

– Товарищ полковник, за два часа невозможно научить!

Это не так просто.

– Ладно, до вечера, до ужина!

Я начал заниматься со всей ротой. До вечера мы всё отработали. Офицеры есть офицеры, подготовленные, образованные, дисциплинированные люди. К ужину все команды с шашкой выполняли по одному щелчку. Красиво было смотреть. На караул брали и опускали, всё шло очень чётко. Когда закончили те занятия, пришёл начальник курса. Я командовал:

– Рота, смирно! Для встречи на караул!

Полковник посмотрел, доволен остался:

– Ну, выглядит совсем иначе! Спасибо, отбой.

Мы прошли на параде хорошо, слаженно всё было отработано. Простил нам Жуков наш казус.

Германия. Карта

После окончания курсов по подготовке офицеров меня направили служить в Германию – на ту же должность командира учебной роты. Но в Германии судьба поступила со мной иначе. Хлеще гораздо. Принял я учебную роту. Ну, Германия есть Германия. Одно нельзя, другое нельзя, пятое нельзя. Прослужил я командиром роты около года.

Как-то вызвал меня начальник штаба полка:

– Мне сказали, что у тебя хорошая графика. Карты умеешь читать и хорошо оформлять схемы, писать донесения, доклады.

– Да, это так.

– Ты на роте сидишь?

– Посадили, вот и сижу.

– Давай ко мне помощником в штаб полка.

– Вы знаете, это не моё и не по мне. Я привык быть командиром. Вряд ли у меня получится...

– Давай посмотрим.

И я начал у него работать. Проработал всю зиму, всё шло хорошо. Начальник штаба был доволен, ему не приходилось ни во что вникать. Нужно написать приказ, донесение, доклад, составить программу боевой подготовки полка, такой вот документ колоссальный, – я писал. Так мы проработали вместе ровно год.

И вот зима 1951 года. Получили телефонограмму из Магдебурга, где стоял штаб дивизии: срочно представить схему охраны и складов.

Снегу в тот год намело, а склады в лесу стояли. Это то место, откуда немцы запускали ракеты «Фауст» по Англии. Поехал туда, целый день с утра до поздней ночи лазил по снегу, нашёл всё, что надо было, нарисовал. У немцев очень красивая тушь была: красная, синяя, зелёная, яркая очень, и бумага хорошая белая. Добросовестно всё нарисовал, и эту схему должен был подписать начальник штаба полка, чтобы я её наутро отвёз в дивизию. Утром пришёл, спрашиваю дежурного: «Где начальник штаба?»

В полку было целых пять полковников – командир полка и четыре заместителя. Я не знаю, какую цель преследовало министерство, делая такой расклад. Ни самому командованию, ни правительству до сих пор это не ясно. Все полковники. Что они делали в Германии? Делать было им там нечего. Абсолютно! Мы жили в военном городке, а они – в отдельном коттедже и целый день играли в карты. Что там со скуки только вытворяли! Они играли на интерес. Если ты, например, проиграл, раздеваешься до кальсон, залезаешь на стол или под стол и кукарекаешь... Ну, конечно, эта игра сопровождалась выпивкой.

Я утром, без всякой задней мысли, пошёл туда. Дверь заперта, не могу попасть. Кое-как достучался, открыли мне. Я говорю, так и так: надо подписать эту бумагу, мне нужно к

десяти часам привезти её в Магдебург. Начальник штаба берёт схему, что у меня в руках, и красный карандаш.

– Что ты эту стрелу так нарисовал?! Её надо было вот сюда. Вот так вот. Ты её вот сюда нарисуй. А это вот так, а это вот так.

Смотрю я на свой испорченный красным карандашом чертёж, и такая обида меня берёт!

– И что теперь делать?

– Возьми да перерисуй.

– Знаете, товарищ полковник, чтобы это перерисовать, нужно двое суток. Потому что после каждой проведённой линии надо дать ей возможность высохнуть. Второй линии нельзя проводить, пока не высохла первая.

– Ну и что? Тебе делать всё равно нечего.

Вот эти слова меня ранили до глубины души. В грош он ни меня, ни мою работу не ставил! Дискредитировал меня перед командиром дивизии – я схему должен был к 10.00 представить. А теперь что?! Я пришёл на своё рабочее место, позвонил командиру дивизии. Командовал дивизией тогда Маршал Советского Союза Владимир Фёдорович Толубко. Он меня лично знал хорошо. Я непосредственно был с ним в контакте, писал донесения на учениях, сведения, сводки и так далее.

Позвонил ему: «Товарищ полковник (он тогда полковником был), я составил схему охраны караула, но произошёл такой казус». Рассказал всё. Он в ответ: «Ну и что? Бери эту

схему вместе с исправлениями и езжай ко мне. Покажешь мне, где твоя, а где он исправлял». – «Да то, что он исправлял, и так видно». – «Ну, давай тогда вези ко мне». Приехал я, он взял, посмотрел: «Ну что, молодец! Спасибо тебе. Езжай! А я сейчас художникам дам, они восстановят так, как было. А подпись мне ни к чему, я сам подпишу. Езжай!»

Вечером пришёл в штаб полка. Начальство стоит и что-то с офицерами обсуждает. Я подошёл и решительно сказал:

– Товарищ полковник, больше я с вами не служу и находиться в одной части не буду.

– Ты чего, с ума, что ли, сошёл? Ты знаешь, что за это полагается?

– Конечно, знаю. Что бы ни полагалось, но оставаться вместе с вами не хочу.

Повернулся и ушёл. Он, как начальник, какое решение должен был принять? Написать рапорт на имя прокурора и на имя командира дивизии и предать меня суду военного трибунала за отказ от службы. Не знаю, что он делал, кому что говорил, что писал, – до сих пор для меня это военная тайна. Но через два часа после нашего разговора приехал начальник отдела кадров Второй армии – полковник Горохов. Через дежурного вызвал меня и говорит:

– Ну что, навоевался? Где твой тревожный чемодан?

А за границей, когда служишь, есть правило – обязательно иметь тревожный чемодан, то есть всё, что тебе необходимо, должно быть уложено, чтобы в любую минуту взял и ушёл.

– В комнате лежит.

– Забирай!

Я пошёл, забрал.

– Сдай оружие, противогаз, секретные документы и приходи сюда.

Я сделал всё, как приказал Горохов.

– Садись в машину.

И увёз меня в Магдебург. Не буду говорить, какие невесёлые мысли одолевали меня в этой дороге... Приехали. Полковник привёл меня в кабинет и распорядился: «Вот твой рабочий стол, здесь будешь работать». И ещё три года проработал я в штабе Второй ударной армии.

Аккордеон

В Болгарии, когда закончилась война, подошёл ко мне сосед-болгарин и спросил:

– А у вас в России есть аккордеон?

Не было тогда в России аккордеонов, я их и в глаза не видал. А болгарин мне объяснил:

– А у нас, оттого что мы живём рядом с Италией и Францией, есть аккордеон – от них перекочевал вместо баяна.

– А вы что-нибудь можете сыграть?

– Это я и хочу для вас сделать, я музыкант по образованию.

Есть знаменитая итальянская фирма, которая делает аккордеоны, «Hohner Organola». Звук инструмента напоминает органный. И болгарин мне сыграл «Турецкий марш» Моцарта. Пьеса очень яркая, виртуозная, выразительная по звучанию – лирическая и игривая. Невозможно сопротивляться заразной радости произведения – как будто музыка сама танцует. До чего красивый марш! Он меня покори́л.

Я сказал: «Вы знаете, я очень хочу научиться». Он ответил: «Да в чём же дело? Пойдёмте, купим вам аккордеон, и учитесь на здоровье».

И основное свободное время я посвящал аккордеону. Пока служил в Германии, задался целью выучить все вальсы Штрауса, а у него их 50 штук! Конечно, все от моей музыки

обалдели, и я это понимаю! Каждый день одни и те же звуки, действительно, можно одуреть. И вот, когда я уже уходил из роты, вся рота была помешана на музыке, и играли все! В Германии была такая возможность, там любой сержант мог купить себе аккордеон. Я всех заразил игрой на этом инструменте, и все играли днём и ночью в одной комнате. И все желали во что бы то ни стало научиться играть.

Один сержант обратился ко мне:

– Товарищ капитан, я очень хочу, но ничего у меня не получается. Слух – нуль чистый. Абсолютно ничего нет.

– Ты знаешь, у тебя есть одно спасение: если ты будешь выполнять строго всё то, что в нотах написано. А что здесь написано, я тебе расскажу и научу.

– И что?

– И тогда получится музыка. Она, может, не будет такой мягкой, нежной, гармоничной, но музыка будет непременно, и это произведение будет звучать именно так, как его написал композитор. С некоторыми огрехами, но будет звучать.

Так вот этот сержант всю роту доконал до увольнения, но играть научился. Ох, был упрямый, ужас один! Ночью прихожу в казарму, я рядом жил, а он играет. У немцев коттеджи были построены, в которых солдаты жили, а в подвале комнаты, глухо закрытые от всего, и он там один сидит и пилит. И когда собрался уезжать, зашёл ко мне: «Товарищ капитан, такую память, какую вы мне подарили, я её и в гроб унесу с собой. Я уже без этого просто не могу». – «Ну, теперь ты

хоть как-то слышишь?» – «Нет. Я просто выполняю то, что написано».

Что значит желание и стремление!

Военная Академия

Летом 1953 года расцвело всё. И жизнь моя меня устраивала, и должность у меня была приличная, хорошие деньги платили. Коньяк любой, какой твоей душе угодно. Еда лучше не придумаешь, домой принесут всё, что ты хочешь! Вечером я очень любил играть в преферанс. И всё было прекрасно.

И вдруг вызвал меня полковник Горохов.

– Ну как, нагулялся? Отвёл душу? Хватит. Вот тебе командировочное предписание. Завтра ты должен уехать в академию Фрунзе.

– Товарищ полковник, я туда не собирался, мне там делать нечего. Меня устраивает то, что у меня здесь есть.

– Я об этом наслышан, знаю, что тебя это устраивает, ещё бы не устраивало. Ты всё понял, что я тебе сказал? Всё. Рассчитаться с секретными документами, с оружием, с противогазом, со всем. Сдать обходной коменданту. Завтра придёшь утром – представишься мне.

И в 1953 году поступил я в Военную академию имени Фрунзе. В 1957-м её закончил. Ну, академия есть академия. Чёткий распорядок дня, абсолютная дисциплина во всём. Положено тебе шесть часов лекций, семинаров, шесть часов и будет. Положено тебе четыре часа подготовки, они тоже будут. Минута в минуту. И тебе никто не даст возможности

повалить дурака. Никто, потому что над тобой есть постоянный контроль.

Да, время было тяжёлое, и трудно было со всем, а особенно с жильём.

А в семейное общежитие при Академии попасть было невозможно, даже если у тебя ребёнок. Почему? Во время войны офицеры приезжали учиться с семьями и заселялись. Потом, закончив Академию, уезжали на фронт, погибали, а их семьи так и оставались в общежитии – а куда им было идти? И задача стояла – расселить их, освободив место для следующих слушателей Академии. Только никто этим вопросом не занимался.

Мы, проучившись два курса, на партийном собрании приняли решение написать письмо первому секретарю Московского горкома партии о том, чтобы помогли нам освободить общежитие и в будущем при строительстве жилья предусмотрели: сколько будет учиться слушателей, столько будет квартир для их семей. А ведь не было ни одной! Мы все снимали квартиры и платили страшные деньги за это. Отправили письмо, ответа никакого. Отправили второе, и тоже ничего.

Хрущёв принял решение о сокращении армии в 1955 году. И получилось так, что все мы, кто закончил Академию, пошли на должность ниже той, с которой пришли на обучение. Все без исключения, все сто процентов! Вот это, конечно, вызвало колоссальное возмущение всех офицеров.

И чтобы хоть как-то задобрить армию, Хрущёв 26 декабря 1957 года организовал приём всех слушателей Академий в Георгиевском зале.

Проверяли нас, не приведи Господи, три месяца! Хотя каждый слушатель, прежде чем попадёт в Академию, должен иметь допуск по форме 1, то есть секретный документ государственной важности. И вот мы все в мундирах новых, красивых в 18.00 пришли на приём в Георгиевский зал Кремля. Первым выступил министр обороны, вторым – Хрущёв о сокращении армии. Разочарование было, конечно, полнейшее. Особенно больно было слушать ребятам из Артиллерийской академии, Авиационной академии, Инженерной академии – они все присутствовали, они всё слушали, что тот молот. Менее чем за три года из армии и флота уволили более двух миллионов человек вместе с семьями. Сокращались не только военно-учебные заведения, но и боевые части, боевые корабли, промышленные предприятия, работавшие на оборонку. Большинство офицеров увольняли даже без пенсий!

Но у нас с однокурсниками на этой встрече появилась возможность поговорить с первым секретарём Московского горкома партии Екатериной Алексеевной Фурцевой. Красивая она женщина была, ничего не могу сказать. Статная, рослая, сложена хорошо. Подошли мы и поговорили.

– Ну, что это?! Кто это против меня восстанавливает военнослужащих? Вы понимаете, куда ни пойду, везде имею дело с военнослужащими, везде одни и те же проблемы. Но,

клянусь вам, я не получала никакого документа из Академии Фрунзе! Даю честное слово коммуниста, что на следующий год я расселю всех из этого дома и поселю туда слушателей Академии.

Она своё слово сдержала. Через два года я поехал учиться на курсы повышения квалификации в Академию. И увидел, что, да, этот дом заселён семьями слушателей Академии имени Фрунзе.

Дипломная работа

В Академии имени Фрунзе у меня сложились очень хорошие взаимоотношения с библиотекой, а в библиотеке – с девушками-библиотекаршами. Они мне дали почитать мемуары Черчилля! Вы их наверняка и не видали. И это естественно. При советской власти их доводили только до членов обкома партии, дальше они не спускались никуда. А я взял очень много из этих мемуаров. И из того, что было в Академии закрыто. А закрыт был свой архив, так как это уже была Академия Генерального штаба, и архивариусом в этой академии был полковник Генштаба царской армии.

Пришёл я к девушкам:

– Девочки, надо что-то почитать такое, что никогда нигде не печаталось.

Они мне сказали:

– Бутылочка коньячка, пара лимончиков. Спуститесь в подвал, вас ждёт полковник такой-то, зовут так-то. Ему такие офицеры, как вы, нравятся.

– Почему?

– Вы придерживаетесь традиций офицеров старой русской армии. Это по нему.

– Мне это самому даже очень нравится.

Купил я, что девушки просили, и в часы по самоподготовке влез в этот подвал с архивами Генштаба. Представился.

Полковник царской армии с горечью заметил:

– Вы знаете, что меня удивляет? За всё время, что я здесь работаю, вы первый офицер, который пришёл и поинтересовался тем, что здесь хранится.

– Знаете, господин полковник, это не делает нам чести, совсем не делает нам чести!

– Да, далеко не все это понимают.

– Вы знаете, господин полковник, прежде чем мы с вами начнём, я задам вам вопрос, который меня очень волнует, если вы не возражаете?

Сели мы с ним, выпили по рюмке коньяка, закусили лимончиком.

– У меня единственный вопрос. Нам на лекции преподаватель говорил, что Ленин никакого отношения к руководству войсками Красной Армии в период Гражданской войны не имел. Всем руководил Сталин.

– Это чистейшей воды чепуха! Всеми боевыми действиями руководил лично Ленин.

Пошёл и принёс мне книжку. Книжку написали Тухачевский, Якир и Блюхер.

– Вы эту книжку читаете только здесь и никому не говорите, что её читали. Здесь собраны все распоряжения, которые отдавал Ленин фронтам, дивизиям и так далее. Их скрупулёзно записывали. Вот эти три человека: Блюхер, Тухачевский и Якир.

Просидел я у него часа четыре или пять, не меньше. Ли-

стал, читал. Я не изучал конкретно, кто что делал. Меня интересовал сам факт, что было отдано распоряжение, и больше ничего.

– Ну что, спасибо вам. А вы не возражаете, если я к вам ещё загляну?

– Буду искренне рад! Я искренне рад тому, что уже сегодня то, что я знал, передал вам. И надеюсь, что вы кому-то это передадите. То есть я не унесу с собой. Вы же отлично понимаете, что я уйду, больше это никому не надо. Это всё уничтожат как хлам, как мусор. И никто тут больше смотреть ничего не будет.

Все эти примеры, когда я их собрал в систему, сложились в моё собственное представление о ведении боевых действий во время Великой Отечественной войны. Мне стало понятно, что не всегда изложенная нам информация соответствовала действительности. Также на сравнительном анализе писал и дипломную работу. Учился я хорошо, и мне принадлежало право выбора темы для защиты диплома. В списке значилось 1 200 тем. Нас двое таких было: я и ещё однокурсник, только мы имели право выбирать из этого большого количества, остальным темы просто назначали.

Я выбрал тему «Причины неудач Второй ударной армии в боях под Ленинградом». Она же сколько времени не могла прорвать это кольцо блокадное! Мне ребята говорили: «На что тебе эта канитель нужна? Зачем ты лезешь, куда не надо?» Я отвечал: «Нет. Я просто хочу узнать. Почему полу-

чилось именно так, что столько времени толклись на одном месте, а прока никакого не было». Однокурсники посоветовали: «Ты пройди вот в этот дом, за который мы воевали с московским парткомом, там сейчас живёт генерал-лейтенант, командующий корпусом, воевавший на этом участке фронта, который входил в состав Второй ударной армии. Он живой и здоровый, но, уже, правда, старый очень. И тебе, может, расскажет, что там к чему и как».

Но прежде чем идти к генералу, я уже побывал в нашем архиве в Подольске. Я истратил на это весь свой личный отпуск 45 суток и 3 месяца, которые мне полагались на диплом. И досконально изучил причины, почему эта армия не имела успеха. Так вот, когда пришёл к этому генерал-лейтенанту, сели мы с ним, выпили. Я обозначил ему, что меня интересует. И он заговорил. Ничего из того, что было мною изучено в сводках и донесениях, не соответствовало тому, что он рассказывал. Абсолютно! А у меня была возможность сравнивать сводки по линии разведки, по линии контрразведки, по линии тыла, политического отдела и разведотдела. То есть все эти бумаги, включая основную оперативную сводку, ложились на один стол, и по ним делалось обобщение. А у меня ещё появилась возможность прочитать немецкие сводки, что в этот день на этом участке фронта творилось, и сравнить с тем, что говорили наши, и что говорили немцы, и как было всё на самом деле.

Получается, когда я обобщил сказанное генералом и свой

анализ по сводкам с фронта, то пришёл к одному очень интересному выводу: практически везде присутствовала наша ложь. Сталин отдавал директиву чётко, конкретно, понятно: на данном участке сосредоточить по 220 орудий на 1 километр фронта и выпустить по столько-то снарядов. Период артиллерийской подготовки. Начинаешь проверять сводку: сколько было снарядов по состоянию на этот день? А снарядов было всего-то неприкосновенный запас – НЗ. То есть тот запас, который расходовать нельзя. А как же на артподготовку? Её обозначали. Она должна была быть, например, 4 часа. А что такое 4 часа? Надо по каждому гектару выпустить 50 снарядов. По каждому гектару! А площадь, где должны наступать – 100 гектаров! Значит, всего 5 000 снарядов. А как начинать эту артподготовку, если снарядов всего 200?! Значит, артиллерийская подготовка едва обозначалась, то есть давали немцам понять, что сейчас начнётся наступление. Немцы хорошо построили оборону, положение у них было лучше, чем у нас, на этой местности. Когда начиналась артподготовка, они уходили на обратную сторону высоты в безопасный участок, оборудованный добротными блиндажами, в которых укрывались и пехота, и артиллерия, а после возвращались на передний край и уничтожали нашу пехоту, которая шла на них после так называемой артподготовки.

Защитился я хорошо. А весь этот собранный мною анализ для дипломной работы неожиданно пригодился мне, когда я

отбыл по назначению в город Казань.

Казань. Доклад

Я закончил академию и приехал в декабре 1957 года в Казань на должность командира батальона. У меня уже была семья: жена, двое детей. Супруга не совсем здорова. Остановились в гостинице, другого места не нашлось. Пришёл, представился командиру дивизии об окончании академии.

– Прибыл для прохождения дальнейшей службы.

– Ну, что ж, принимайте батальон и командуйте.

Но мне как-то в этот период жизни не везло: я всё время попадал на чужое место, не своё, которое мне предназначалось, а на чьё-то, планируемое для другого. В те времена бытовало неписаное правило – делать батальоны отличными. Дивизия была сокращённого состава, и в ней имелся батальон пехотный, который сделали отличным и донесли об этом министру. И все получили звания, награды, как полагается.

И тут вдруг я, как снег на голову! На место командира этого отличного батальона уже подготовили офицера из этой же дивизии. И получилось так, что я сел на его место, а он опять остался на своей должности – начальником штаба батальона. Можно представить его состояние. Но я ничего не мог с этим поделать – выполнял приказ.

На меня навалились сложности неустроенного быта, проблемы со здоровьем жены и маленькой дочери. Тяжёлая си-

туация в семейной жизни усугублялась негативным настроением ко мне в дивизии.

В эти дни подошёл ко мне командир полка: «Выезжай на стрельбище». Приказ есть приказ. Собрал я свой батальон, который считался отличным, и поехал на стрельбище. И тут началась проверка секретаря парткома, как солдаты мои стреляют. А стреляли они плохо.

Обратите внимание на такую маленькую деталь. Я приехал в конце декабря, и в начале декабря все проверки были на пятёрку, а в конце января снова проверка, и батальон получает двойку и по стрельбе, и по всем остальным показателям. Я по своему опыту и практике знаю, что сделать батальон отличным практически нельзя. Почему? Потому что в этом принимает участие целая группа офицеров. И далеко не всегда все они оказываются честными и порядочными людьми. Как бы ты ни вылезал из шкуры, а у тебя есть одно подразделение, второе подразделение, третье, четвёртое, пятое, шестое. В каком-то из них всё равно будет непорядок.

Отстрелялся я. Командиру полка доложили, что я отстрелялся плохо и загубил батальон. Для отчёта отличный батальон был, а я приехал и его испортил. Был отличным, стал плохим. И я понимал, что попал «не в ту степь», не туда, куда надо, но сделать ничего не мог. Абсолютно! И знал, что батальон подготовлен плохо. Знал, что оценка 5 была натянутая, фиктивная. Такую оценку этот батальон с его уровнем подготовки получить практически не мог. Но дело сделано.

Приехал со стрельбища, вернулся домой, жена плачет, ребёнок маленький заболел, в школу не берут. Что хочешь, то и делай. Настроения – никакого! А утром на работе зашёл ко мне в кабинет очень важный секретарь парткома. И вёл он себя гораздо наглей, чем Хрущёв.

– Ну что, Иван Фёдорович? Вам как коммунисту партийное поручение – на 23 февраля сходить в обком партии и прочитать лекцию о Дне Советской Армии.

– Другого никого нет? Вы же видите, что ничего у меня не получается, ничего. Дома раскардаш полнейший, и на работе одни неприятности...

– Как хотите, дело ваше. Значит, я на партбюро доложу, что вы отказались выполнять партийное поручение.

Вздыхнул я.

– Ладно. Я как коммунист, конечно, не имею права отказываться.

Дал он мне доклад, отпечатанный в обкоме партии, чтобы я его читал в этом же обкоме партии. То есть дурака из меня хотели сделать, какого свет не видывал! Я пришёл в обком, представили меня. Вынимаю демонстративно копию их доклада – видно же со стороны, что это копия. Смотрю, полон зал. Вижу, одни вынимают газеты, другие журналы – каждый своё. А я до смерти не люблю рассказывать, когда не вижу перед собой глаза людей! Не могу просто. Посмотрел на них, беру демонстративно доклад их, аккуратненько сворачиваю в трубочку и кладу в сторону. И тут мне пригодились зна-

ния, которые во время учёбы в Академии я собрал из архивов и бесед с генералом Второй армии и архивариусом царской армии.

– Товарищи, мы сегодня поговорим не про всю Красную армию, а про ту Красную Армию, которая одержала победу в Великой Отечественной войне. Мне эта тема прекрасно знакома, и уверен, что знаю её лучше многих из вас. Поэтому постараюсь рассказывать так, чтобы у вас появилось желание слушать, а не читать журналы и газеты, которые вы принесли.

Не знаю, какие слова на них подействовали, но они быстро свои газеты, журналы свернули и отложили. Я начал рассказывать. И когда я закончил, спросил: «Ну что, у кого-то есть вопросы?»

– А что, вы можете на них ответить?

– Смотря какой вопрос. И если этот вопрос касается Советской Армии или боевых действий, конечно.

Я ждал подвоха, так как точно знал, что многих настроили против меня, но когда мои полные ответы прозвучали, все присутствующие встали и аплодировали мне стоя. Думаю, я это заслужил тем, что рассказал им то, что они никогда и нигде не читали и не слышали.

Например, как Черчилль приезжал в декабре 1942 года в Кремль к Сталину. Об этом никто не то что не читал, но и просто не мог знать. Это не публиковалось. Это была секретная информация, что сферы влияния на страны, воевавшие

с Гитлером, будут распределены таким образом, как нарисовал Сталин у себя на карте в Кремле 6 ноября 1942 года. А Черчилль к нему в это время приехал, и зашёл в кабинет, и увидел, что на Польше написано Сталиным – «социализм». На других государствах тоже написано «социализм», и на Греции в том числе. Черчилль на Польше «социализм» зачеркнул, написал «капитализм». На Греции тоже зачеркнул, написал «капитализм». Сталин подошёл, взглянул на Польшу, зачеркнул его «капитализм» и нарисовал вот такую фигу. А в Греции так и оставил «капитализм». И когда мы в 1944 году подошли к греческой границе со стороны Болгарии, нам дали приказ остановиться. Договорённость с Черчилем о разделе территорий была достигнута...

Из этой ситуации я вышел достойно, но не знал, что мне готовил наш секретарь партийной организации.

Когда я пришёл на следующий день в полк, мне ребята сказали: «Ну, держись, Иван. На партийном собрании разделяют тебя под орех. Что ты разложил весь полк, разложил дисциплину в батальоне, у тебя ни в чём нет порядка». И вскоре я всё это услышал. Меня просто размазали, что называется. Я попросил разрешения выступить: «Прошу к 10 минутам прибавить ещё минут 10». Весь зал: «Говори, сколько хочешь». И я начал своё выступление. Сколько во мне было злобы, ненависти, вся она вылилась на этого несчастного секретаря партийной организации. Знаю, что делал он это по наущению. И тоже этого секретаря размазал, как только хо-

тел. Я выступал 35 минут. Ровно столько, сколько он говорил. Весь зал визжал, орал, топал, стучал ногами. Я пожалел, что оказался там.

Наутро пришёл начальник политотдела в полк: «Что ж ты, Иван, наделал? Ты меня поставил перед фактом, что надо секретаря партийной организации убирать. А я как доложу, за что его убрал? За то, что он на тебя наплёл? Так и написать? Мне тогда зададут вопрос, а я где был?»

– И что вы мне предлагаете?

– Ты знаешь, я, если честно, не знаю, что тебе предложить. Давай это всё отложим до партийной конференции. Через неделю в Доме офицеров она состоится.

– Хорошо. А мне дадут слово на этой партийной конференции?

– Обязательно. Не помню, чтобы кому-то отказывали.

– Отлично! Вот после этого моего выступления вы и будете принимать решение.

К выступлению я подготовился более серьёзно, более объективно, без лишних слов, без лишних эмоций. Каждое предложение, слово, интонация – всё было продумано и выверено. И от этого выступления даже я сам получил удовольствие.

После конференции генерал, командир дивизии, вызвал меня на разговор:

– Вот что, Иван, ты умный человек, но и я не дурак. А два умных не могут быть в одной дивизии. Я генерал и командир

дивизии, я останусь. А ты подполковник и всего-то навсего командир батальона. Я тебя отправлю из дивизии. А чтобы ты на меня жалобу в ЦК не написал, что я тебя выпроводил из дивизии за преследование, за критику, отправлю с повышением.

– Совсем здорово! Если бы вы меня отправили с понижением, то куда ж больше унижать-то! Я и так с должности полковника пришёл на должность подполковника. А командиром роты я во время войны был.

– Ну вот, мы с тобой налюбезничались, и хватит. Завтра получишь предписание.

– Куда?

– Советником. К арабам. В Сирию.

Командирский ящик

Но до этого неожиданного назначения прошло ещё два года, и они были насыщены различными событиями и каверзными ситуациями, из которых мне удавалось выходить благодаря моим солдатам.

Дело было зимой, в феврале. Приехал я в свою часть, дежурный мне доложил:

– Приходил начальник штаба дивизии, проверял, как идут занятия.

– И что?

– И в первой роте взял командирский ящик с собой.

– Почему? Ты видел этот ящик?

– Да! Ржавый весь. Страшный, ободранный.

– Ага...

На следующий день командир дивизии должен был проводить совещание с офицерами по организации огневой подготовки в частях. А этот командирский ящик являлся командирским пособием. В нём хранились сделанные в разрезе патроны, пистолет, автомат, гранаты. Всё это сосредоточено в этом ящике и должно быть чистым, выкрашенным и ухоженным. Наш же ящик представлял из себя страх один: как будто валялся где-то на мусорной свалке. Я понял, что меня ожидает... Видимо, изъятый ящик будет предметом обсуждения, и взыскание я получу непременно, вне всякого сомне-

ния!

Требовалось срочно что-то предпринимать! У меня была разведрота. В ней служили мои самарские земляки, я их специально подбирал. Солдаты хорошо обученные, натренированные, смышлёные – толковые ребята. Обратился я к ним:

– Вот такая стоит задача: в кабинете у начальника штаба лежит старый командирский ящик. Надо его забрать и унести, а вместо него положить новый. Кто из вас сможет выполнить эту задачу?

Надо иметь в виду, что штаб дивизии охраняется строго: там сидит дежурный, помощник дежурного, часовой стоит – всё как полагается. Для разведчика – задача сложная, но выполняемая, если хорошо посоображать.

Вышел вперёд один: «Товарищ полковник, я могу эту задачу решить!» За ним второй, третий и почти весь взвод вышел!

Я первому сказал: «Давай! Если справишься с такой сложной задачей, дам тебе неделю отпуска!»

В семь утра приехал на работу, а у меня на столе уже стоит этот страшный ободраный ящик, что прихватил с собой начальник штаба. Велел солдату разобрать его на части и раскидать по мусорным ящикам. После завершения такого ответственного дела спросил, как же он умудрился всё проверить.

– У меня не было в планах, товарищ полковник, рассказывать, как я это сделал. Хотел в тайне оставить.

– Слушай, но мне так интересно, как ты эту операцию провёл?

– Без пятнадцати шесть пришёл в штаб, вижу: комендантский взвод собирается на уборку помещений штаба дивизии. Посмотрел, как они одеты, точнее, раздеты по пояс, у каждого ведро и тряпка. Я тут же разделся, взял орудия уборки. Каждый солдат занимался своим делом – никто друг на друга не смотрел. Когда дежурный убрал кабинет начальника штаба и ушёл, я взял ведро, в которое предварительно уложил новый командирский ящик, и зашёл в кабинет. В шкафу обнаружил старый и на его место поставил новый. Положил «добычу» в ведро, накрыл тряпкой и ушёл.

...Самое интересное было потом. Всё утро я провёл в нервном напряжении, в ожидании 10 часов, когда начнётся совещание. Там обсудили ряд задач и перешли к вопросу – боевая подготовка. Генерал был – педант высшего класса!

– Мы хотим, чтобы у нас была отличная боевая и политическая подготовка! А как мы заботимся о материальной части, которая является обязательным условием успешности занятий?! Отношение самое отвратительное, особенно в 32-м полку! – И обратился ко мне: – Почему у вас такое безобразие?

Я встал:

– Извините, товарищ генерал, у нас всё отлично! Конспекты отсматриваются, утверждаются. Важные темы обсуждаем с офицерами. Всё это делается как положено. Материальная

часть для обучения всегда в порядке. Боевые стрельбы идут нормально.

Генерал повернулся к начальнику штаба:

– Полковник, что вы мне вчера докладывали?

– То, что есть, товарищ генерал! Принести из кабинета ящик командирский!

Этот ящик, когда он новый – словно детская игрушка, раскрашен в очень яркие цвета: красный, чёрный, жёлтый, зелёный! Каждая деталь в разрезе покрашена в строго определённый цвет, чтобы облегчить солдату запоминание.

Когда начальник штаба увидел доставленный ящик, у него глаза на лоб полезли!

– Что вы принесли? Я вам что сказал – командирский ящик у меня в кабинете!

– Товарищ полковник, этот ящик я взял в вашем кабинете в шкафу, другого там нет.

Полковник сам рванул осматривать свой кабинет. Вернулся, подошёл ко мне и тихо со злостью проскрежетал:

– Ну смотри! Я тебе покажу!

Генерал в недоумении:

– И что дальше?..

– Ничего, товарищ генерал, вышла промашка!

– Мне неприятно вам об этом напоминать, но такие промашки на общем собрании офицеров недопустимы!

Так я нажил себе врага до конца службы. Он не упускал ни одного случая, чтобы меня не пнуть, и всячески старался

помешать моим служебным делам.

Столбы

В нашей части все заготовки продуктов велись солдатами. Квасили капусту, мариновали огурцы, готовили к хранению картошку, свёклу. Сами ездили на поле, сами выкапывали, сами мыли, чистили, складывали в бурты, с расчётом, чтобы хватило до нового урожая. На всю дивизию квасили капусту в больших чанах, сделанных из бетона и облицованных внутри плиткой. Ну до того она была вкусная! И прапорщички знали и умели хранить все эти запасы. И делали это очень добросовестно. Им полагалась премия – 5 % от сохранённых продуктов, и дело своё они выполняли с душой.

Уехал я проверить, как идут тактические занятия по использованию средств химической защиты. Весь день там с солдатами «проиграл», вернулся вечером. А меня ждал мой начальник тыла.

– Что у тебя?

– Мне нужно на завтра пятьдесят солдат капусту рубить.

– Так ты же знаешь отлично, что завтра учебный день! Это значит их надо сорвать с занятий. Ты знаешь, что за это полагается?

– Я знаю, но уже договорился с председателем – надо срочно нарубить эту капусту!

– Мало ли что надо, а не получается...

– Короче – не даёшь?

– Не дам! В воскресенье, в субботу – пожалуйста. Завтра – не дам.

– Ну, смотри, – сказал он уходя, – чтобы ты не пожалел об этом...

Ушёл он, а часа через два звонит мне мой приятель – полковник в штабе дивизии:

– Ты знаешь, что к тебе завтра собирается ехать командир дивизии? Он тебе ещё весной приказал поставить электрические столбы для освещения штаба ГСМ.

– А! Я и забыл совсем! Да, велел он мне поставить там столбы и свет провести.

На улице уже мороз был. По первому морозу капусту-то рубят. И земля успела подмёрзнуть. Что делать?

А в дивизии всегда есть свой запас и столбов, и проволоки, то есть всё, что необходимо для жизни и для войны, – всё есть! Я вспомнил, где у меня лежат столбы, где проволока, изоляторы. Пришёл в свою разведроту:

– Нужны шесть человек, которые способны сделать непосильную работу: поставить шесть столбов, натянуть проволоку и повесить лампочки. Кто это сможет сделать – шаг вперёд!

Все шагнули вперёд! Я отобрал шесть человек. Вызвал заведующего продовольственным складом. Подписал накладные на сгущёнку, сало, хлеб. Взяли командира взвода и поехали. На месте показал, что надо делать. Там ещё колышки сохранились, куда следовало поставить столбы.

– Можете сделать так, чтобы нельзя было понять, что вот только столбы вкопаны?

– Я же командир взвода разведки, товарищ полковник. За кого вы меня принимаете?!

На душе у меня всё равно была тревога – ямка для столбов должна была быть метр пятьдесят – метр восемьдесят в глубину. И объём работы большой, и земля подмёрзшая. Ладно, думаю, что будет, то и будет.

Часа в четыре утра звонок. Командир взвода разведки:

– Товарищ полковник, всё закончили! Я каждый столб залил водой и засыпал. И тут пошёл снежок. Всё припорошило – ничего не заметно.

Солдатам всем дал отпуск. В восемь часов утра позвонил дежурный.

– Товарищ полковник, генерал поехал на проверку.

Часа через полтора опять звонок из штаба дивизии:

– Генерал приехал злой как собака! Никому ничего не сказал. Прошёл в кабинет, хлопнул дверью. Приказал вызвать начальника тыла. Объявил ему строгий выговор за ложный доклад!

Начальник тыла пришёл ко мне, весь красный.

– Ах, сукин сын, когда ты успел эти столбы поставить?

– Когда? С осени! Когда приказали, тогда и поставил!

– Какого чёрта! Я вчера там был – ничего не было!

– Ну, знаешь, спяну чего только не померещится! Ты трезвый хоть был? Чего тебе объявили?

– Строгий выговор...

– Ну, это тебе повезло, что выговор, а то могли и несоответствие занимаемой должности...

Так я нажил ещё одного врага.

Газовая колонка

Шёл я как-то по части. Неожиданно ко мне подбежал сержант «кавказской внешности»:

– Товарищ полковник, ра-а-зрешите обратиться!

– Разрешаю, товарищ сержант.

Помявшись, он продолжил:

– У мэня к вам просьба...

– Давай, что за просьба.

– Вы знаете, у нас в Грузии очэнь трудно купить газовую колонку. А мнэ дядя позвонил и попросил, чтобы я купил здэсь, в Казани – их же здэсь дэлают, – и прислал ему в Грузию.

– Так в чём же дело?

– А дэло в том, что у мэня дэнег нэт!

– И что ты хочешь?

– Прошу, чтобы вы мнэ эту газовую колонку купили или дали займы дэньги.

– Сколько?

По тем временам колонка стоила 450 рублей. Это было две мои месячные зарплаты.

– У меня этих денег сейчас нет. Завтра привезу.

Я знал, что этот сержант подлежит увольнению где-то в мае, а дело было в марте. Через два дня привёз ему эти деньги.

– Нэт, товарищ полковник. Мнэ дядя сказал, чтобы я нэ так сдэлал. Он сказал, что я должен попросить вас купить эту колонку и отправить её по нужному адрэсу в Грузию, в Батуми.

– Ну, парень, что-то ты ведёшь себя не как полагается!

– Вы понимаете, у мэня другого выхода нэт! Я завишу от этого дяди! После увольнения могу жить только у нэго. Если я нэ выполню его просьбу, то нэ смогу там появиться!

– Да... Положение у тебя сложное... Надо как-то помочь...

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину, купить эту колонку и отправить её по адресу в Батуми. Через полтора месяца уволился этот сержант.

Уехал он. Жду я месяц. Денег нет. Жду два. Нет. Июль проходит – денег нет. В начале августа ко мне почтальон подходит и говорит:

– Иван Фёдорович, а вы знаете, я ношу какое-то извещение на деньги – на 450 рублей – уже четыре месяца. Я только его отправлю, оно назад возвращается.

– Так кому эти деньги присылают?

– Да не пойму я, чего тут написано! Ни имени, ни адреса толком не разобрать! Всё перепутано! Дом наш, а квартиры такой нет. И фамилия непонятная.

– Эти деньги из Батуми?

– Да!

– Так это мои деньги! Я их четыре месяца жду!

Всё. Деньги нашли своего адресата. А через неделю получаю телеграмму: «Очень ждом! Приезжай!»

В том году у меня никакой путёвки в санаторий не было, и решил я поехать в Батуми к этому грузину и там отдохнуть.

Дома меня останавливали: «Ну куда ты поедешь к чужим людям? Ты же там никого не знаешь!» – «Да я им оказал одну любезность, думаю, что они по грузинскому обычаю встретят меня хорошо».

Приземлился в аэропорту. Таксист спрашивает:

– Куда?

– В Батуми.

– Поехали.

Ничего не сказал, сколько стоит. Приехали.

– Два тридцать.

Дал ему пять рублей, он сдачу не даёт.

– Чего сидишь?

– А что, сдача не полагается?

– Ты что – нищий сюда приехал?!

Я вышел, так и не увидев своей сдачи. Пришёл по адресу, смотрю – за забором трёхэтажный дом. В те советские времена я много чего объездил и повидал, но такого роскошного на европейский манер дома не встречал!

Постучал. Вышла женщина. Но меня предупредили, когда женщина одна – заходить нельзя.

– А! Вы тот самый!

– Да, я, наверное, тот самый...

– Вы тот, у кого служил наш сержант?

– Да.

– Заходите!

– Да нет. Я, наверное, мужа подожду.

– Ой! Не надо всякие сплетни слушать! Заходите! Я вас накормлю, напою! Вымоетесь, отдохнёте! А там и муж придёт!

Когда я попал внутрь дома, просто ахнул! Такой красоты и богатства не встречал даже в западных музеях! Подумал, а вдруг надо будет платить за эти апартаменты? Это же не меньше 100 рублей в день! (Средняя зарплата по тем временам была 120 рублей по стране.)

После сытной трапезы и ванны привели меня в спальню, а там кровать из карельской берёзы и перины пуховые! В сон провалился моментально, как только голова коснулась взбитой подушки!

Проснулся от голосов и понял, что хозяин меня ждёт.

– Ну, здравствуй, гость дорогой! Давно тебя жду! Садись!

Дал распоряжения жене, и та принесла кувшин вина литров на пять-шесть. Первый тост был за прапрапрадедушку, что принёс горсть земли на эти голые скалы. Потом за то, что прапрадедушка развёл чай и на этом заработал деньги. Потом за прадедушку, что развёл виноград, мандарины, абрикосы... А потом за дедушку, что построил дом... И теперь в этом доме живёт он! Кувшин опустел, и я понял, что на большее количество тостов меня уже не хватит. Время пере-

валило далеко за полночь. Жена, «стоящая на стрёме», принесла следующий кувшин. Я удивился! Когда хозяин вышел, спросил у супруги:

– Как же он завтра, то есть уже сегодня, на работу пойдёт?

Жена, услышав мой недоумённый вопрос, от души рассмеялась!

– Да вы не волнуйтесь! Он работает в магазине женского белья: бюстгальтеры, трусики там всякие... Мальчик за него торгует, а он ложится за занавеску и спит! А вечером придёт, и опять с новой силой!

И точно! Так всё и вышло. Выдержал я с радушным хозяином ещё одну ночь, а утром, когда он ушёл, сказал хозяйке:

– Благодарю вас за гостеприимство, но я вынужден срочно уехать – телеграмма из части пришла – вызывают!

– Ой, как жаль! Он бы вас доконал!

– Счастливо вам оставаться!

Так завершилась моя история с газовой колонкой.

Восток – дело тонкое

До сего времени я знал, как живут болгары. Знал, как живут румыны. Знал, как живут чехи. Знал, как живут немцы, я пять лет жил в Германии. Но в 1962-м на два с половиной года попал я в Сирию советником по внедрению нашей техники – секретная командировка. Это совсем другая, непохожая на другие страна, другие люди, другие порядки, другие взгляды на жизнь. Совершенно противоположные тому, с чем я до сих пор сталкивался!

Не забуду один маленький эпизод. Как-то пришёл на работу и озвучил подопечному арабу, куда надо поехать, что надо сделать, – список дел. А он мне любезно ответил: «Месье Иван, у вас смыслом жизни является работа, а у нас смыслом жизни является жизнь. А работа – это средство для жизни, вот почему у нас отношение к этому разное». И не спеша выпил чашечку кофе, побеседовал со мной и только потом заглянул в список.

Задумался я. Действительно, мы живём, чтобы работать, а они работают, чтобы жить!

В Сирии правят кланы. Там клановая зависимость и клановая вражда стоят на первом месте. И у власти будет тот клан, на чьей стороне больше людей. И что особенно важно: клановая дисциплина выше государственной.

Что ещё меня поразило? Хрущёв выгнал кучу офицеров

из армии, оставив их без средств к существованию, обозлив их против советской власти. Арабы же, при любой революции, любой войне, ни одного офицера не увольняли без пенсии и пособия. И назначенная компенсация должна быть достаточной, чтобы бывший военный мог вложиться в мастерскую или другое предприятие, торговлю или ещё что-то, чтобы он жил с семьёй безбедно и к государству никаких претензий не имел. И за те два с половиной года, что я служил в Сирии, при любой смене власти все режимы придерживались этого главного принципа – офицеры должны быть обеспечены!

Нейлоновая рубашка

В Дамаске вручили нам по 1 000 долларов. И я решил сходить одеться. А тогда только в моду входили белые нейлоновые рубахи. Захожу я на торговой улочке в первый магазин.

– Добро пожаловать! Мы рады вас видеть! Да благословит вас Всевышний! Вы что-то хотели купить?

– Да, рубаху!

– А! Русский?

– Русский, русский!

– Русский – хорошо! Хрущёв – хорошо! Дружба – русские и арабы! Для вас как для русского – эта рубашка белоснежная с галстуком, с запонками – 20 долларов!

Думаю, Господи – у нас эта рубаха стоила больше двухсот рублей! (Тогда 4 рубля давали за 1 доллар.)

Гостеприимный хозяин душевно спросил:

– Что вы будете пить? Чай, кофе, лимонад?

– Кофе буду...

Выпили мы с ним за здоровье! Завернул он мне рубашку в пакет. Вышел я, и через пару метров мне опять такой же магазин попадается.

– А, русский, заходи! Вы у Махмуда купили эту рубаху?

– Ну да!

– А, у Махмуда много детей, ему надо много денег! У меня чуть меньше детей, я вам такую же рубаху отдам за 15!

Как не взять за такие деньги? Чай, кофе, наговорились, как мёду напились!

Через улицу перешёл, опять магазин!

– А, вы у Ахмеда были? О, у Ахмеда шесть детей! Каждому лепёшку надо! А у меня только четверо! Я для вас такую рубаху отдам за 10 долларов!

Пока я прошёл всю торговую улицу, в конце мне такую рубаху отдали за 3 доллара!

У последнего торговца я спросил: а сколько же на самом деле стоит эта рубаха? Он говорит – два с половиной доллара. Я на вас заработал только 50 центов! А Махмуд хорошо на вас заработал!

– Почему же они так бессовестно со мной поступили?

– Нет, это не бессовестно! Вы почему с ними не торговались? Я уверен, что они бы вам отдали её по 3 доллара, но вы-то не торговались!

И собралось у меня шесть штук белоснежных новых нейлоновых рубах с галстуками и запонками! И получил бесценный опыт восточной торговли!

Пришёл я на работу и рассказал своему персональному переводчику, как рубашки покупал. Он так смеялся, что даже свалился на диван и продолжал хохотать над моей простотой.

– Точно такой фокус они сделали с английской королевой. Она покупала себе блузку и к концу торговой улочки узнала, что эта блузка стоит в 10 раз дешевле!

«ГАЗ-63»

Арабы считали, что американский джип – самый совершенный в мире. Я же утверждал, что наш «ГАЗ-63» круче американского джипа. Настолько наш спор зашёл далеко, что решили проверить машины в деле.

Я, конечно, знал, что американцы машину сделали лучше нашей, и наш «ГАЗ-63» хоть и с ведущими передними и задними колёсами, но очень неповоротливый и скорость у него низкая. Но я-то с войны был за рулём и знал, как на этой машине по песку надо ехать!

Нашли песчаную горку, и соперник мой на американском джипе лихо взревел и через несколько секунд благополучно зарылся в песок, сел на ось.

Арабы с интересом смотрели на меня. Я тихонечко завёл «ГАЗик» и на второй скорости как таракан вполз на эту песчаную горку.

– Ну, русские хитрые! Даже здесь сумели обогнать американцев!

Под крики арабов: «Да здравствует Россия!» я победно проехал на «ГАЗ-63» в советское консульство.

Сок

Уже через год, когда освоился и хорошо понимал арабский, я спокойно ориентировался на улицах Дамаска. Жара стояла – 40 градусов! Возле лавок, торговавших овощами и фруктами, регулярно останавливался, мне делали свежесжатый сок, брали с меня доллар, и я шёл дальше.

Как-то я спросил своего переводчика:

– Почему с меня берут за стакан сока доллар, а с других 10 центов?

Он засмеялся от чистого сердца!

– Так если бы вы давали 10 центов, так же с кучей благодарностей делали бы вам этот сок!

– А почему тогда берут доллар?

– Так вы сдачу не требовали! Видят – одеты вы хорошо, часы у вас швейцарские, рубаха и галстук американские! Вы состоятельный человек. И вам самому неприлично платить за этот сок 10 центов! Но если вы попросите сдачу, с превеликим спасибо вам дадут эту сдачу!

На следующий день я подошёл к лавке, протянул 10 центов за сок и в ответ услышал такую же кучу благодарностей и пожеланий заходить ещё, как и за доллар.

Кальсоны

В Сирии, где большинство семей многодетные, меня часто спрашивали – сколько, месье Иван, у вас детей?

– Двое.

– А что вы делаете, чтобы детей не становилось больше?

– Это большой секрет, и я смогу его вам рассказать, только когда буду уезжать – на прощальном банкете.

И вот прошли мои два с половиной года службы в Сирии, пришло время прощаться с сослуживцами-арабами.

Погрузил я свои пожитки на пароход, попросил капитана накрыть приличный стол и пригласил восточных друзей. Я поднял тост со словами благодарности за дружбу, сотрудничество и тёплый приём. Но сирийцы замахали руками:

– Мы не за этими словами пришли! Мы два года ждали, когда ты нам секрет раскроешь, как делать, чтобы детей больше не становилось!

– Что же, если вы так настаиваете... Секрет прост. Я, когда с женой ложусь спать, кальсоны задом наперёд одеваю...

Ох, как они смеялись!

– Провёл ты нас, Иван!

Дальше пошли дружеские объятия, и мы попрощались, зная, что больше никогда не увидимся.

Старое место

Вернулся я в свой полк на своё старое место в Казань, проработав в Сирии военным советником два с половиной года. В 1972 году приехал начальник отдела кадров Приволжского военного округа и задал мне такой вопрос:

– Посашков, а тебе не надоело быть начальником штаба полка?

– А если надоело, так что?

– Сколько ты вырастил командиров полков?

– Четырёх...

– Последнему ты давал рекомендацию, чтобы его назначали командиром дивизии?

– Я.

– А что ж ты сам сидишь?

– Вы знаете, я разные шуточки слыхал и умею шутить, но такой я не слышал, что сижу тут только потому, что мне хочется.

Посмеялись. Он говорит: «Ну всё, шуточки в сторону. Есть решение командующего округом назначить тебя начальником штаба дивизии». Это значит перепрыгнуть должность командира полка и стать начальником штаба дивизии. Это значит восстановить шесть командиров полков дивизии против себя. То есть раньше по статусу я подчинялся им всем, а теперь, наоборот, они будут подчиняться мне. Уже был че-

ловек, запланированный заранее, и всё всем было известно. И вдруг взяли и так сделали – вместо него меня назначили. Командиры против меня бунтовали как могли. Но я своё дело знал. Знал, зачем пришёл, и знал, на чём могу заработать авторитет. Абсолютно чётко знал – только на постоянной и очень тяжёлой работе.

Начальник штаба дивизии

Когда меня назначили начальником штаба мотострелковой дивизии, я проверил состояние вооружения и понял, что надо срочно менять ситуацию. Суть заключалась в том, что всё вооружение боеприпасов наша дивизия должна содержать на две дивизии. И все танки, пушки, машины – всё должно быть обслужено и готово к запуску. То есть если привезти солдат, то посадить – сели и поехали. К тому времени когда я пришёл на эту должность, вся техника стояла на улице, открыто. И всё мокло и ржавело.

И я поставил перед собой задачу – всю эту технику закрыть. Закрыть её сверху так, чтобы дождём не поливало, снегом не засыпало и солдатам перекрыть прямой доступ к ней. И я принялся за работу. Начал с того, что поехал в военкомат, а по закону того времени военкомат был обязан высылать на переподготовку определённую категорию военнослужащих каждый год. Там строго расписано по количеству и качеству: куда специалистов и сколько. Почему?

Да дело в том, что после того как Хрущёв ликвидировал артиллерийские училища и полки, подготовки артиллеристов не было нигде, и стрелять никто не умел. И с заводов на 60 дней набирали призыв для решения этой задачи.

Я приехал в областной военкомат к своему другу.

– Разреши мне пошевыряться в твоих карточках и

отобрать специальности, которые мне нужны.

– Ты что, хочешь сказать, если ты на авиационном заводе отберёшь лучших токарей, слесарей, то заберёшь их к себе?

– Мне токари и слесари не нужны, мне нужны другие – монтажники. Ты меня пойми, я взялся за дело и хочу его до конца довести. Ты же в этом тоже кровно заинтересован.

Уговорил я его. Дал он мне возможность выбрать специальности, какие мне нужны были. Отобрал я их. И на 60 суток призвал в дивизию. И вот вместе с этими монтажниками мы за 60 суток собрали, смонтировали всё, что полагалось сделать для того, чтобы укрыть всю дивизионную военную технику.

Я об этом никому не говорил, даже командир дивизии не знал, но кто-то доложил командующему. Звонок. Мне дежурный сообщил: «Товарищ полковник, командующий приехал». – «Ты что, с ума сошёл, – без звонка, без телеграммы, без ничего?!» – «Да, командующий из Самары приехал. Стоит у дверей».

Я выскочил как ошпаренный! Докладываю по всей форме.

– Давай показывай, где ты тут что настроил?

Посадил меня к себе в машину, поехали. Показал ему. Посмотрел он так и эдак. Обошёл со всех сторон, потрогал.

– Ну что? Молодец! Ничего не могу сказать.

Снимает часы командирские: вот тебе за службу. Сел и уехал. Прошло, наверное, месяца полтора или два, и я получил телефонограмму: «Должность сдать и переехать в Сама-

ру на должность начальника штаба 43-й учебной дивизии». Вот так я сюда и перебрался.

Самара

Через год по приезду в Самару случился приказ, в котором говорилось, что если офицеру, полковнику или генералу исполнилось 50 лет, он должен быть уволен. Умный, молодой, здоровый, сильный, дурак ли он? Должен быть уволен, и всё. И я попал в эту струю, мне исполнилось 50 лет, и меня чинно, добросовестно уволили. Ну, так как я по натуре человек деятельный, я не могу сидеть без дел, у меня должно быть какое-то занятие обязательно.

Я пришёл в райком партии:

– Мне нужна работа.

– А мы тебя тут ждали.

– И что?

– Давай в госуниверситет. Пойдёшь проректором.

– С чего вы это взяли?

Открыли партийцы моё личное дело, до сих пор не понимаю, как оно у них-то оказалось, и прочитали результат аттестации в Академии.

– Склонен к педагогической работе!

Так я на три года попал проректором в Самарский госуниверситет.

Через три года меня назначили директором детской автомобильной школы. Тогда появилась тенденция в государстве приобщить пацанов и девчонок к автомобилю, чтобы они ду-

рака не валяли на улице, а занимались делом. И в Московской, Ленинградской и Саратовской областях были организованы первые детские автомобильные школы. Что это значит? Это значит, что мальчики и девочки с пятого класса привлекались в эти школы на добровольной основе. В свободное от учёбы время приходили и изучали по-настоящему дорожное движение, устройство и вождение автомобиля.

Меня вызвал начальник Средневолжского транспортно-го управления: «Предлагаем тебе должность директора этой школы. Ты её организовываешь от начала до конца».

Я ответил: «Хорошо, дайте мне время, чтобы я поехал у кого-то посмотрел, разобрался, что к чему». И организовал эту детскую автомобильную школу. Мне понравилось работать в автомобильной школе, очень интересно преподавать детям то, чего они не знают. Это чрезвычайно увлекательно – смотреть в их глаза, как они воспринимают новые знания об автомобиле и дорожном движении. И сколько гордости в ребёнке, если он что-то понял быстрее и лучше, чем другие. Проработал я в этой школе четыре года.

В это время мне удалось решить свой жилищный вопрос, но была одна проблема – во всём доме не было телефона, а мне он – ой, как нужен был!

Телефон

Подал я, как участник Великой Отечественной войны, заявление на телефон, а мне в ответ:

– У-у, таких, как вы много. И все стоят на очереди. Записывайтесь в общую очередь, когда перед вами получат, ваша очередь настанет. Сколько в вашем доме участников войны?

– Восемь.

– Значит, будете девятым.

Вышел я из кабинета начальника, навстречу мне прапорщик, который служил у меня в дивизии начальником узла связи. Я к нему: «Петро, а как же мне телефон сделать?»

– Ой, проблемы нет. Через два часа будет телефон, но ваш телефон будет работать так – вы можете звонить куда хочешь, а вам никто.

– Меня такой телефон не устраивает, совершенно. Мне нужен нормальный телефон, чтобы можно было звонить куда хочешь и когда хочешь и чтобы мне звонили.

– Дело так не пойдёт.

– И что? Да я был сейчас у начальника, он сказал, пока всех не удовлетворят, не дадут. Что делать-то?

– Вы ж мне когда-то говорили, что вы закончили техникум связи?

– Да, и что?

– Так идите сюда работать!

– Ну, молодец! Отличное решение!

Я возвращаюсь назад, прихожу, за столом сидит начальник Советского телефонного узла связи.

– Товарищ начальник, я прошу нанять меня на работу.

– Зачем?

– Чтобы поставить мне телефон.

– А что вы умеете?

– То, что ваши все умеют, то я лучше всех умею.

– Ах-а-ах, это что за самоуверенность такая?

– Во-первых, я закончил техникум связи, а во-вторых, я закончил академию общевойсковую, где кафедра связи лучше, чем кафедра связи в академии связи.

Посмеялись от души.

– Хорошо, но у меня есть одна проблема.

– Какая, говорите? Если я её решу, остаюсь у вас работать?

– Там видно будет. Суть вот в чём... Меня вчера вызвали на заседание в горком партии и объявили строгий выговор за большое количество жалоб, за плохую работу телефонной линии. Сумеете эту задачку решить?

– При одном условии: вы на месяц берёте меня, не платите мне денег за этот месяц, буду приходить на работу и изучать, что к чему и как. Через месяц напишу проект приказа, вы его подписываете или не подписываете, это ваше право. И если вы его подписываете, я остаюсь и буду работать. Обещаю, что через два года жалобы не будет ни одной.

Посидел, подумал.

– Ладно!

И начал я работать. Проработал месяц, поглядел, что да как, написал проект приказа, принёс начальнику, он просмотрел этот проект.

– Да вы что, хотите меня поссорить со всеми, кто работает со мной?!

– Нет. Просто хочу убрать все жалобы. Это единственное, что хочу, и ничего больше.

– И вы думаете, после всего этого что-то изменится?

– Непременно. При моём постоянном контроле это изменится непременно. А в обязанности функции начальника штаба дивизии, коим я служил в Казани, входит постоянный контроль за распоряжениями, отданными командиром. Это его основная работа. Я уж как-нибудь, если подпишете этот приказ, найду, что и как проверить.

Начальник подписал. Собрали сотрудников, прочитали приказ. Всё, на другой день со мной никто не разговаривал, кончилась дружба.

Когда я пришёл, было 12 000 жалоб в год. Проработал год, осталась 1 000. Потом я полгода ещё проработал и ушёл.

А в чём же суть приказа была?

Во-первых, я сам, как связист, знаю, как организована связь, знаю, где могут быть какие повреждения, знаю, как устранить эти повреждения. И от кого зависит, вовремя или не вовремя устранены эти повреждения. Монтёры устраня-

ли порывы у одного номера за счёт другого. И контроля за их работой не было никакого. И вот поставили задачу: найти причину и объяснение каждой жалобе. А если ты причину нашёл, то надо её просто устранить, и всё.

Потом что я выяснил? Оказывается, очень много старух, именно старух, не стариков, писали жалобы! Вот телефон у неё есть. Подняла трубку – ага, шуршит, пищит и ещё что-то. И она тут же пишет «телегу» в обком партии: телефон у неё плохо работает. Если не помогло, она пишет в ЦК КПСС, лично первому секретарю партии. И так было заведено. Значит, старух таких оказалось очень много. А со мной работала помощница, которая печатала эти ответы всем на первых порах. И в обком партии надо было отписать, что сделано или не сделано и когда это сделано.

Я дал помощнице номер телефона одной старухи:

– Вот эта женщина постоянно звонит, надоедает, что телефон у неё не работает. Утром приходишь и с утра каждый час ей звонишь и спрашиваешь, как у неё работает телефон. И следующей точно так же! Итак, в течение дня у тебя должно быть человек 40–50 окучено. Ты их должна теревить и проверять, как у них работает телефон.

Это дело продолжалось четыре дня. К исходу четвёртого дня все старухи взмолились: мы больше никуда ничего писать не будем, говорить никому не будем, телефон работает хорошо.

Однако передо мной стоял конкретный вопрос: надо себе

поставить телефон! Как опытный начальник штаба, я прикинул, что в одиночку этот телефон не сделаю. Итого у нас в доме восемь человек, значит, эти восемь номеров надо где-то найти, надо кого-то нанять, чтобы кто-то провёл кабель по дому. А свободных номеров нет.

Приближался День Победы. Я пришёл к начальнику станции.

– Хорошо бы ветеранам ко Дню Победы подарок сделать – телефон поставить.

– Согласен, надо. Только, кроме номеров, ещё кабель, коробки и много чего нужно!

– Мне от вас требуется 9 номеров, остальное я всё сделаю сам.

– А как?

– Это дело моё.

– Ну-ну...

– Единственное, что я буду обязательно соблюдать, так это технологию установки телефонных коробок.

– Ладно.

Я собрал мужиков-ветеранов, которые стояли в очереди на телефон, и спросил: «Кто из вас чем и как может помочь с установкой телефонов?»

Один ответил, что может кабель 30 пар привезти.

– Да нам 30 не надо. У нас всего 10 телефонов. Нас десятка устроит вполне.

– На всякий случай, потом ещё пригодится.

– Ну тогда давай 50 пар, чтобы на каждый подъезд по 10 пар.

– Договорились.

Он привёз кабель, заодно коробки и всё остальное. Отлично! Это учитывалось при оплате за установку телефона.

Вызвал я бригаду монтеров и говорю: «Работа сверхурочная, платим живьём, заключайте договор на индивидуальную установку телефонов». Заключили договор, подписали.

Привезли кабель, в течение четырёх часов всё подсоединили, всё подключили. Вот так в День Победы заслуженных ветеранов ожидала настоящая радость. Все получили телефоны, все восемь участников войны, и я – девятый.

Председатель

Через некоторое время работы на телефонной станции, в начале 1985 года, ко мне подошёл начальник линейного цеха и спрашивает:

– Слушай, у тебя как, есть желание иметь дачу или нет?

А по тем временам иметь дачу – это словно иметь сегодня домик на берегу Лазурного моря во Франции.

– Откровенно говоря, есть. Но у меня к даче особые требования. Мне надо, чтобы дача была возле речки, чтобы можно было ходить на рыбалку, когда не хочешь ковыряться в огороде. На рыбалке поймал карасика, пожарил – лепота!

– О, как раз такой вариант имеется. Поехали.

В тридцати километрах от города возле станции Аглос есть красивые места с озёрами и холмами. Поглядел я, залюбовался.

– Подходит. По рукам!

Написал заявление. И дали нам по куску земли. Начали мы ковыряться.

Весной приехали туда, разбили лунки, грядки и так далее. И вот играюсь я с этими грядками, и пришёл ко мне начальник 47-го строительного управления. Их земля была. А нам на нашу телефонную станцию дали несколько участков на этой земле. Заглянул ко мне через забор этот начальник.

– Это чей участок?

– Мой.

– Порядок у тебя тут. Слушай, а ты не можешь стать председателем садово-дачного товарищества?

– А мне это зачем?

А тогда существовал приказ. Я даже, честно говоря, не знаю, кто из министров дурацкий такой приказ сочинил, что если я зарабатываю на работе больше, чем был мой предыдущий оклад до увольнения на пенсию, то с меня будут удерживать теперешние деньги. Вот был такой приказ.

Я сказал: «Зачем мне это? Мне всё равно можно зарабатывать лишь 160 рублей».

– Так я тебе напишу, сколько хочешь. Хочешь 160, хочешь 120.

– И потом – меня устраивает моя работа. Я на работу могу приходить, когда хочу, и когда хочу – уйду.

– Так и здесь! Ты сам себе хозяин! Председатель когда хотел, тогда пришёл, когда захотел, ушёл.

Короче, договорились, я согласился.

Он собрал буквально на третий день собрание, и меня избрали председателем. Вот так я стал председателем садово-дачного товарищества «Энергия». Туда входила Куйбышевская ТЭЦ, Волжские электрические сети и другие организации.

Соль в чём заключалась? Был кусок земли 20 гектаров, вот он – чистый стол, и ничего больше. Здесь, на этом куске земли, надо было поставить электрические столбы, сделать

дороги, протянуть трубы на каждую дачу и провести освещение. Пожалуйста, простор на 20 гектаров. Работай, трудись.

И я занялся этой новой для меня работой. Никогда с землёй дела не имел, ни с этими перегородками, ни с электричеством, ни с чем дачным. Первое, с чем столкнулся, – мне надо было запрудить воду. Собрать снеговую воду, для того чтобы летом поливать. Ну я поглядел, у всех лежит две трубы на плотине, и я себе точно так же положил две трубы, нанял трактор, засыпал. Приехал 23 марта, как сейчас помню, вода из леса пошла на озеро, и поднимается выше и выше, и поднялась до четырёх метров высоты. И хлынула вся на озеро. Дошла до моей плотины, ударила её как обухом, приподняла все мои трубы, асфальт и бетон, кверху дыбом поставила и свалила всё в канаву. Вся вода ушла.

Я на машину, скорее в колхоз, нанял скреперы, быстрее, хоть как-то засыпать плотину, чтобы воду сохранить. Придёт время полива, мужики скажут, где вода? Воды нет. Еле-еле выкрутился. Скреперы где-то на дороге недалеко работали, и мужики мне всю ночь потом возили землю. Привезли, засыпали. Лето прошло. Ну, думаю, на следующее лето всё поплотнее, получше устрою. И началась у меня работа на этой земле, с тем чтобы людям сделать хорошие настоящие дачные участки.

Проработал я 18 лет честно, добросовестно, и до сих пор дороги, электричество – всё работает. Ну, у меня отношение к работе было очень честное, наверное, я по характеру иначе

не могу. Берёг каждую людскую копейку и экономил везде и на всём. Вот такой маленький пример.

Надо было поставить столбы электрические. В Самаре в 1985 году один такой столб стоил 120 рублей. Я объездил всю область, чтобы найти дешевле. И нашёл – в Похвистнево по 80 рублей. Это же экономии 40 рублей с каждого! И из Похвистнево привёз эти столбы. Вот сколько я сэкономил денег людям!

Дальше, бак для воды. Я объездил всё, что можно было объездить, и нашёл самый дешёвый бак, и сварил его дешевле, чем все варили.

Самое смешное, конечно, это было строительство асфальтированной дороги. Вокруг самого дачного массива три километра дорога идёт. Я поехал к начальнику строительного управления куйбышевских дорог. Поговорил с ним. А он мне:

– Эта работа будет стоить 7 000 000.

– Вы знаете, у меня на всё про всё, на электричество, на дорогу, на воду, на содержание услуги, прислуги и так далее – 1,5 миллиона.

– Тогда ищите в другом месте.

– Ладно. А у вас нет ни одного прораба, который бы взялся за это дело?

– Был барыга один, вчера я его выгнал.

– Скажите, как мне его найти?

– Поезжайте в Новокуйбышевск.

Назвал мне улицу, дом, номер. Поехал я туда.

– Ну, что – уволили?

– Да.

– Сидишь?

– Сижу.

– Есть работа.

– На сколько?

– Надо на месте посмотреть, а потом вести разговор о деньгах.

– Ладно, давай поехали.

А дело было перед 7 ноября, перед самым праздником. Приехали. Походил, посмотрел: «Эта работа будет стоить 600 000 рублей». Я слукавил: «Знаешь, у меня всех денег 240 000 рублей, больше нет. Если хочешь, берись за эти деньги».

Не знаю, куда он ходил, к кому ходил, но ходил три часа. Через три часа пришёл и сказал:

– Ладно, возьмусь. Но условие одно: деньги из рук в руки.

– Мы составляем трудовой договор, и всё. И вопросов нет никаких абсолютно. Ты обязуешься выполнить работу – я обязуюсь выплатить тебе деньги по окончании работы. Но! Ты работу должен закончить к 7 ноября. К празднику.

Он прикинул, почесал в затылке:

– Уж больно сроки сжатые ты ставишь.

– Я знаю одно, что если ты её не сделаешь до 7 ноября, то и до конца года не сделаешь. Это я знаю.

– Почему?

– Потому что мужику нужны деньги к празднику. К 7 ноября, чтобы мог стол накрыть. Выпить и поесть в удовольствие.

– А, наверное, ты прав.

– Ну что, берёшься?

– Берусь!

Хлопнули по рукам, и взялся он за это дело. К 7 ноября дорогу сделал.

В 2002 году ушёл я с должности председателя, другие времена наступили. Сегодня мне 96 лет. И с весны по осень живу на даче. У меня здесь и виноград, и яблони, и ели, и кедр, и много чего. И жить на дачном участке удобно и комфортно не только мне, но и всем соседям, членам нашего садово-дачного товарищества. И планов у меня ещё много...